

Павел Седов

МУШКЕТЁРЫ XXI

Павел Седов

Мушкетёры ХХІ

«Автор»

2026

Седов П. А.

Мушкетёры XXI / П. А. Седов — «Автор», 2026

Беларусь, начало 2000-х. Простые школьники живут обычной жизнью, ходят на уроки, гуляют, общаются, обсуждают новости. Всё идёт своим чередом, но в один момент стычка с местными авторитетами разделяет их жизни на "до" и "после". Подростковый роман с элементами драмы и детектива.

© Седов П. А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

~	5
ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.	6
Глава 0.	7
Глава I.	11
Глава II.	17
Глава III.	24
Глава IV.	29
Глава V.	36
Глава VI.	44
Глава VII.	53
Глава VIII.	63
Конец ознакомительного фрагмента.	71

Мушкетёры XXI

~

«И злодея следам
Не давали остыть,
И прекраснейших дам
Обещали любить;
И, друзей успокоив
И близких любя,
Мы на роли героев
Вводили себя.»

©Владимир Семёнович Высоцкий – советский поэт и певец, актёр театра и кино.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

Глава 0.

«...В которой мы будем знакомиться

с героями истории...»

Я проснулся очень рано – примерно в пять, пять тридцать утра. Нет, я не отправился на кухню чего-нибудь поесть, не проверил сообщения на моём старом "Сименсе", даже не перевернулся на другой бок, дабы мозг почувствовал обе стороны полюса и окончательно проснулся. Нет... Я просто лежал и смотрел в потолок своей комнаты. Мысли, навязчивые и длинные, переплетались в моей голове крепкими узлами, после, от неспособности надолго удержаться, превращались во что-то несущественное. Нравится мне это ощущение. Будто бы под влиянием вполне реальных мыслей отходишь от столь же реального мира и погружаешься в свой собственный, такой отличный от обычной жизни, но всё же связанный с ней.

Вдруг пропищал будильник, выгнав меня из забытия. Я повернул голову и не без усилий посмотрел на часы: семь ноль-ноль. Пора в школу...

Я окончательно пришёл в себя и подошёл к окну. Всё было замечено, падал лёгкий, но частый снежок. Как будто я смотрел не в окно, а в старый шипящий телевизор, в замедленной съёмке демонстрирующий нам чёрно-белую, неразборчивую картину. "Ну всё, – подумал я, – надо собираться, а то опоздаю, как в прошлый раз..."

Старые фонари ярко освещали дорогу у шоссе. Шагая по дворам нашего спального района, чуть ли не самого старого в городе, я всё вспоминал наши прогулки по зимней деревне. Дубки - так, кажется, она называлась. Мы не были там с того момента, как я... не помню точно, сколько лет мне было, но я ещё был дошкольного возраста. Тогда мы жили в стареньком доме, скудно обставленном советской мебелью и плохо протапливаемом. Да, хоть в той хижине было не так уютно, но всё же мы были все вместе: я, папа и мама. Но все изменилось, когда папу забрали на войну в Таджикистан. Нам остались только недоделанная дача и куча долгов, отдав которые, мы переехали сюда, в Минск. Мама только говорила, что приходила похоронка о том, что отец погиб где-то под Дарвазом. Мне почему-то так не кажется.

По приходе в школу я заметил, что в раздевалке не очень-то много курток – штук семь-восемь. "Да не может быть! – подумал я, – "Должен ведь будет ещё кто-нибудь прийти. Пол восьмого уже почти, ёк макарёк!" И вот, будто бы в ответ на мои слова, за спиной широко распахнулась дверь, чуть коснулась стены и плавно вернулась назад. Это пришёл Юрка Артемьянок, которого мы все звали Белый.

Своё ничем не примечательное прозвище он получил по нескольким причинам. Первая состояла в том, что класса до второго фамилия его была Белянский, так что кличка от сокращения повелась. Потом у него на семейном совете как-то решили, что Юрка будет носить фамилию своего деда по маминой линии (он, вроде как, был каким-то известным агрономом). Фамилия, конечно, сменилась, но прозвище осталось. Другая причина была хоть и не в национальности, но она тоже сыграла роль: наш Юра Артемьянок по особым или праздничным дням любил носить белорусские вышиванки белого цвета, доставшиеся ему ещё от деда, говорил, что так «традиция соблюдается». На вид Юрка был парнем лет четырнадцати. По комплекции стройный, тело сложено крепко. Натура рабочая, рассудительная – настоящий беларус! Работу

мог выполнить любую, только цель поставь. Одним словом, классный парень, таких теперь поискать.

– Здорово, Щерба! - сказал он своим зычным басом.

– Здравствуй, брат!

– Как жизнь, дружище, что нового за выходные? На блошинный ходил? Ты вроде соби-
рался?..

Белый был человеком общительным, бывало, иногда чересчур. На уроках он, даже если плохо понимал тему, умел отвечать громко, звонко и чётко, а порой и самоуверенно. Никто не понимал, от кого в нём такая экспрессивность. Все знали, что родители у него самые обычные: отец тянет лямку на заводе, мать работает в детском саду воспитательницей. Оба были спокой-
ные, тихие, и где не надо, не возникали. Не то, что бы Юра был выскочкой, но его смелость и активность всеми уважались.

Я, немного ошеломлённый от количества и частоты задаваемых вопросов, ответил:

– Да мы с мамой думали, но всё-таки после Нового года решили, что сейчас время и деньги тратить? Я уж лучше на новую гитару накоплю, не на этой же развалюхе играть. Сам-
то как поживаешь?

– Ну, а я тут на днях часы твои отремонтировал, как нефиг делать. Ещё и звук отрегули-
ровал, теперь каждый час будут тебе обозначать, как куранты!

Для своего возраста Белый неплохо разбирался в механике и электронике. Помню, как-
то раз у одного парня в нашей школе на телефоне перестали работать кнопки! Абсолютно
вся клавиатура была бесполезна, и телефон уже собирались выбросить, но Белый решил
его починить. Оказалось, что железки под клавишами просто не могли отправить сигнал на
плату. Белый в отцовском гараже вырезал точные копии всех железок и путём электрического
воздействия усилил их притяжение, так что цифры теперь набирались при малейшем нажатии.
В общем, тот парень просто сиял от счастья! Он предлагал Белому за это целых пятьсот рублей,
но тот отказался, объясняя это тем, что такая работа для него в удовольствие, а удовольствие -
лучшая плата. Эх, бескорыстная он душа всё же... Я надел модифицированные часы и надёрнул
на них рукав свитера.

– Спасибо тебе, братуха, выручил! Без тебя время в телефоне только бы смотрел.

– Да не за что, чего там! – В это время дверь распахнулась, впуслав личность в капюшоне
и сиреновой шапке.

– Шалом, братья, как вы? – раздался из-под одеяний глуховатый тенор. Это был наш
Зиля.

Внешностью он обладал приятной. У него были чёрные короткие волосы волной, чуть
вздёрнутый нос, хорошо сочетающийся с плавными чертами лица и светло-кариими глазами.
Сам по себе Серёга был парень необычный: дрался он довольно часто, активно принимал уча-
стие в разных дворовых разборках. Человек он был не столько хитрый в силу генетики, сколько
ловкий и изворотливый, потому избегал неприятностей и всегда выходил сухим из воды. Пара-
докс заключался в том, что при всей его сорвиголовости Серого уважали учителя и не ругали
его за плохие отметки так сильно, как на остальных, потому что знали точно: Зильбер испра-
вится.

– А что это мы в капюшоне? – с усмешкой спросил Белый. – Небось опять вчера во дворе
помахались с хоккеистами?

Зиля снял капюшон. Под его правым глазом красовались два смачных синяка.

– Ого, Серый, где ж тебя так?

– Да, вчера с "Б" классом в снежки играли. Димка Айму льдом в глаз прямо попал. Тот
крикнул, ну я Димона и шлёпнул в ухо слегка.

– Знаем мы твоё "слегка!" Ты в началке так же "слегка" Гарбовскому шею растянул,
убийца! – с иронией брякнул Белый.

– Ой, ладно, чего сразу «убийца»? Так вот, я ему в ухо, а он как в глаз мне костяшкой влепит! Я тут повалился, но потом в стойку встал и полез на него. Тут нас и растащили. А зря, я бы ему задал... – Зиля пригрозил ребром ладони воздуху, будто напротив него стоял Димка Алексеев.

– Да зря ты так. Ну ударил ты Димку, а толку? Айму ведь лучше-то не стало, да и ты фонарём теперь светишь, – высказал Белый своё мнение.

– Неверно говоришь, братишка! Зиля за друга нашего ответил, и правильно сделал. Пусть знают, каково с нами дело иметь. Вот так вот, Юр!

Белый, очевидно, хотел что-то возразить мне, да воздержался.

В это время кто-то резко распахнул дверь, а затем так же вернул её на место. Послышались ровные шаги кожаных финских пьекс. Без сомнения, это был Аймо Йоханнес Корхонен, которого все звали попросту Айм. По виду его было не отличить от чистокровного русского парня: черты лица приятные, волосы светло-русые, но всё же его финно-угорские гены давали о себе знать – он был почти самым высоким в классе. У нас его считали довольно способным хорошистом.

– О, вот он – лёгок на помине! Здорово, великомученик!

– Чтоб вас фьорд всех побрал, здравствуйте! – Айм говорил с явным акцентом.

– Ну, как ты, жив после вчерашнего? – поинтересовался я.

– Да, всё больше-меньше нормально. Я глаз вчера вечером сбором промыл, наутро синяк сошёл уже.

В самом деле, никаких особо видимых повреждений, кроме царапины от попадания льда, больше не наблюдалось (ей-богу, он точно шаман).

– Фух, ну и славно! Пойдёмте, парни, наши уже подходят.

В самом деле, пока мы болтали, народ активно подходил, а входная дверь от постоянной текучки не только нашего, но и других классов, практически не закрывалась.

– Да, а что сейчас первым уроком?

– Английский, кажется ...

* * *

Мы шли по длинному коридору пятого этажа. Смеясь, говорили про предстоящие контрольные, рассуждали на разные злободневные темы, вроде закрытия параллельного класса на карантин или же строгости учителей при выставлении четвертных оценок... У кабинета английского было довольно много людей – целых пятнадцать человек. Мы зашли за угол и уселись на свои портфели. Белый играл в "змейку", Айм, как обычно, достал свой кассетный плеер со сборником песен его любимой группы "Попа". Один раз я, чисто ради интереса, попросил у него послушать парочку композиций. Многие песни были попсовые, как по мне, но некоторые запали мне в память. До сих пор напеваю иногда.

Тут я услышал, как за моей спиной резко распахнулась дверь, мимо меня легко проплыла стройная девичья фигура, оставив за собой приятный цветочный аромат. Пришла наша подруга – Лена Зайцева. Она мне очень нравилась, но только как друг, ибо по-другому я на неё смотреть не мог. С ней было прикольно тусоваться, она была весёлая, позитивная, интересовалась музыкой, аниме. В общем, была интересной. Они тесно общались с Зилей, многие даже говорили о них как о любовной паре, что Серёге не очень-то нравилось. И всё бы хорошо, вот только была в их отношениях одна довольно значимая деталь, которая, несмотря на свою объективность, мне, да и всей нашей братии, не нравилась: Зиля почти каждую перемену и вообще большую часть свободного времени болтал только с ней! Да и в основном в его окружении, кроме нас, находились одни девчонки.

Нет, мы не хотели протестовать против их общения, даже гордились тем, что хоть кто-то из нашей банды имеет даму сердца, но слишком уж чрезмерно Серёга активничал по отношению к ней.

Зиля медленно поднялся с рюкзака:

– Я сейчас, пойду поздороваюсь...

– Знаем мы твоё приветствие, Ромео!

Он резко махнул в нашу сторону рукой, мы дружно хохотнули. Когда он подошёл к Ленке, мы опять вполголоса завели старую шарманку:

– Ну всё! Снова к бабам пошёл, теперь за уши не оттащишь!

– Да и не говори. Как с Ленкой заружились, он только с ней и водится. Эх, всё внимания гэтыя дзеўки забираюць! – Белый часто переходил на белорусский, если раздражался. Это происходило как-то само собой, он, скорее всего, этого даже не замечал.

Зиля до конца первой перемены проболтал с Ленкой и её подружками, мы же до конца перемены просидели на портфелях, занимаясь кто чем. В любом случае, в класс мы зашли со звонком – наша учительница снова опоздала. Обычное дело.

Глава I.

«... В которой происходят первые события,

повлиявшие на дальнейшую судьбу персонажей...»

Случалось ли вам когда-либо складывать своё мнение о людях, лишь только посмотрев на них? Ну, знаете, случается такое: посмотришь на человека и сразу думаешь: "Ох, неприятный тип какой-то!" Вот и у нас в классе есть такая личность. Только с ней эффект получается обратный : посмотришь на неё, и сразу создаётся такое ощущение, будто бы она тебе родная, как, например, брат или сестра – настолько веяло от неё душевным теплом и чем-то родственным. Имя ей было Инга Родович.

В нашей группе она была на равном с парнями положении: мы не относили Ингу к другим Ленкиным подружкам, хоть они и нормально общались, просто Инга порой была больше похожа на мальчишку-сорванца, чем кто-либо из пацанов. Несмотря на то что с парнями она вела себя отнюдь не по-девичьи, Инга обладала замечательной способностью показывать себя в разных местах надлежащим образом, так что воспитания у неё было не отнять.

Ко всему прочему, Инга обожала читать. В её библиотеке была в основном русская и английская классика, так что на уроках литературы ей не было равных. Само собой, имея такой тонкий вкус к прозе, Инга была безумно интересным собеседником. Хотя я и не был столь начитанным, порой у нас рождались горячие дискуссии о разных произведениях, писателях, да и не только. Возможно, дело могло быть в моей наследственности или же в обыкновенном жизненном опыте и мышлении.

Росла Инга без отца вот уже семь лет, примерно так же, как и я – в воспоминаниях сохранились какие-то отдельные образы и моменты, но цельного представления о том, кто был её папа, не было. Тогда она была просто моей хорошей знакомой, но ни я, ни Инга не знали, во что наше тесное общение выльется в скором времени. Хотя сейчас об этом лучше не думать, ведь история немного о другом...

На сегодняшнем уроке не происходило ничего необычного: учитель рассказывала что-то про грамматику, писала лингвистические термины на коричневой, пошарпанной временем доске. Те, кому было интересно, записывали, глядя на Анну Эдуардовну умными глазами, те парты, что посредине, глядели уже не так внимательно, но всё же писали. А обитатели "камчатки" вообще бог знает чем занимались: кто болтал, кто рисовал, кто играл в морской бой, а некоторые вообще делали домашку на следующий урок (а то и на два)!

Что до меня, сидел я где-то на второй парте первого ряда вместе с отличницей-старостой Катькой. Она была ничего: темноволосая, стройная, да и формы уже выделялись, но я тогда не сильно обращал на неё внимание.

Сзади нас сидели две девчонки: Танька и Полина. Они были теми ещё сплетницами, которым лишь бы попромыть косточки кого-нибудь из одноклассников. Ясен пень, что их болтовню в открытую было не засечь, но всё точно знали, что им секретов лучше не доверять, бо растрепать имеют возможность. В целом, они не бесили, наоборот - без них я бы и представить не мог жизнь нашего класса! Картину к тому же дополняла Аня - местная красавица, которая с Танькой и Полиной была дружна крепко, хоть и перешла она к нам всего год назад.

Были слухи, что она мутила историю с кем-то из старших классов, но такового за ней замечено пока не было.

От первых рядов по оси "икс" больше никто не сидел, кроме Дашки Ивановой и Варьки Жилиной. Их посадили сюда отнюдь не просто так: обе были такими тихонями, что и с первой парты их было еле слышно. Так, Анна Эдуардовна и пересадила их ближе к себе, да и это у неё не сразу вышло! Пришлось их обеих уговаривать, да не один раз. Эх, вот если бы у меня были Дашкины мозги, я бы горы свернул, ей-богу! Хотя, кто знает, может, и со своими получится...

На третьей парте второго ряда (а было их всего-навсего два из-за небольшой величины кабинета) заканчивались средние ряды и шла "камчатка": прямо за Аймо и Ашотом, сыном учительницы, сидели Зиля и Ленка, а за ними две другие Танькины подружки, такие же сплетницы, как и Полина. На них я на уроке даже не глядел, да и было бы на что. Они заканчивали собой первый ряд, располагаясь удачно близко к выходу, откуда можно было гурьбой свалить на девичье вече в туалет.

Перпендикулярно Ленке и Зиле сидел на четвёртой парте первого ряда Белый, прямо за сплетницами, а за ним и Инга. Как раз с ней связан ещё один не больно интересный, но довольно важный момент. Смотря на эту красавицу, никак невозможно было вообразить себе на месте её брата, быкана-упыря с одной извилиной. Так вот знакомьтесь с ним – Саня Родович, ученик-второгодник девятого "А". Честно сказать, был он тот ещё поганец. Да нет, этому уголовнику такое слово пойдёт, как ежу футболка...

Как вы уже догадались по эпитетам, безупречными моралью и поведением он не блистал: этот гад вечно быдлил на учителей, одноклассников, учился из-под палки... Признавал он авторитет только своего «бати», который на самом деле приходился ему отчимом и, если верить тому, что говорил сам Саня, сидел по какой-то серьёзной статье. Бог знает, что там у них в семье происходило, да только при стычках он лишь на него и ссылался: «Вот батя выйдет, всех вас порешит!» В заключение скажу только одно: слава богу, что не в нашем классе содержится этот арестант.

Прямо за Ингой сидели картёжники. Не то что бы они были заядлыми азартниками, но любили позаниматься фигнёй на уроке. Частенько играли в карты, в "горчишник", в "щелбаны", но сильно криминального не совершали.

Наконец прозвенел звонок с урока, все собрали портфели, попрощались с учителем и вышли в коридор. Из больших окон на лестницу уже проскакивали первые утренние лучи декабрьского солнца. В этом году здорово заснежило, скорее всего, домой буду добираться сугробами. Сугробы на земле – это ещё ничего, но если они будут сваливаться прямо с деревьев, на кроны которых яростно давили снежные кучи, то будет повод брать из дома зонт.

Мы с парнями почти добрались до кабинета алгебры, уже собирались рассаживаться по своим местам, как вдруг заметили, что на задней парте сидит наш классный руководитель. Да, хоть человек она была отзывчивый и надёжный, но за столько лет обучения в нашей маленькой классовой общине сложилось множество примет, одна из которых гласит: "Ирина Евгеньевна на алгебре – жди беды..."

* * *

Живя на этом свете уже пятнадцатый год, про приметы я уяснил одну важную вещь: они обладают различной по степени поражения силой и свойствами, в числе которых – свойство не сбываться, или же сбываться наполовину.

Да, от Ирины Евгеньевны мы в этот раз не услышали ничего страшного: она поблагодарила отличниц и Полину за участие в олимпиаде по математике, попросила на следующей неделе начинать украшать класс к праздникам и сказала, что в следующую пятницу мы едем в

театр на "Алые паруса". На этом месте её выступление оборвалась школьным звонком на урок, заставившим нас как по команде встать и поприветствовать Татьяну Григорьевну...

Это было первое и, как я думал, последнее необычное явление за целый день. Остальные уроки, включая саму алгебру, прошли по обычному пятничному сценарию: физ-ра, столовая на всю перемену для особо голодных, русский язык, литература, ОБЖ, самостоятельное разукрашивание контурных карт по истории, а потом и долгожданная свобода. В раздевалке как обычно было столпотворение: все ужасно хотели пораньше свалить из школы домой, или по делам, или в магазин, или же просто вырваться на охмеляющую зимнюю прохладу от душных батарей. К счастью, я давно выучил эту "схему" переодеваний и просто спокойно дожидаясь, пока схлынет первый поток школьников. Я ловко проскользнул в железные двери, схватил свой ватник, который я именовал "курткой", берцы и так же ловко вылез обратно, и очень вовремя – подросла вторая волна. Благо, мои друзья были такие же ловкачи, так что через пять минут мы уже были на улице.

– Так, ну что ж, мальчишки и девчонки, - заговорил Зиля, оглашая условия встречи, – встречаемся как обычно в шесть, на "кораблике"! Всем быть!

– "Кто на драку не пойдёт, тому больше попадёт!"

– Эт точно! – хохотнул Белый. – Ну давай, Паха, ждём тебя!

– Увидимся, братья! – ответил я, несмотря на то что среди "братьев" были и "сёстры", и направился вверх по улице.

– Нувästit!

Парни и девочки направились в сторону пешеходного перехода. Шутка была в том, что полпути мы шли по параллельным сторонам, а впереди переход был только на перекрёстке, но ребята заворачивали к домам, не доходя до него. Кто ж так строил, а ведь столица!

Когда я дошёл до дома, солнце уже скрылось за тяжёлыми тучами, лёгкие снежинки, летевшие с неба, опускались на город мохнатыми пушинками. Я набрал код домофона и зашёл в подъезд. Тут разница в температуре не сильно ощущалась – недавно прорвало батарею у входа.

По приходе в квартиру я ощутил сильное тепло, вероятно, от плиты, потому как мама готовила плов и ещё что-то. Первым меня радостно выскочил встречать мой пёс Тонтту. Да, хоть он и обычный Джек Рассел терьер, но у него предыстория будет многим поинтереснее, чем у других! Достался он мне от Айма, как только они с семьёй переехали сюда из Хельсинки. Их соседкой была ворчливая старуха, Прасковья Петровна. Она всё время жаловалась на то, что пёс лает, когда Корхоненов нет дома (хотя дед Матти всегда был в квартире, и при нём бы пёс точно не лаял). Она грозилась милиции рассказать, что с ней по соседству проживают якобы "иноагенты с запада", но такой маразм семья терпеть не хотела. Иван Максимыч, отец Аймо, решил оставить пса нам, так как мы с мамой жили в соседнем доме, то есть относительно далеко от старухиной квартиры, да и вечера наши были довольно тоскливы. И вот однажды Аймо явился ко мне с Тонтту, двумя мисками и собачьим паспортом с датами всех прививок. Правда, тут появился один нюанс: так как Тонтту все пять лет прожил в Финляндии, то понимал он исключительно по-фински. Так, за тот год, что мне оставался до школы, я экстерном выучил финский язык. Но зачем же учить целый язык, если можно выучить пару-тройку команд для собачонки? Тут тоже всё было не так просто! Тонтту был довольно умным для своей породы, а потому понимал много слов из человеческой речи, так что одних "istua"(сидеть), "pyy"(лежать) и "ääni"(голос) было недостаточно для диалога человека с собакой!

Облизав мне лицо и испачкав меня в шерсти с ног до головы, Тонтту радостно гавкнул. Мама обстучала деревянную лопатку об сковороду с пловом и пошла меня встречать. Я уже скинул с себя куртку и начал расшнуровывать берцы.

– Привет! Ну, как школа, как всё?

– Да нормально, спокойно, как всегда.

– Это хорошо, у нас тоже всё славно. Ну, ты проходи, там плов, чай, суп вот готовлю, последишь?

– Да, мамуль, за всем прослежу, поем, ты иди отдыхай!

– Если б к урокам не надо было готовиться! – мама усталым и одновременно довольным взглядом посмотрела на меня и ушла в комнату.

Зайдя на кухню, я увидел кучку грязной посуды в раковине. "Надо бы перекусить и перемыть это всё, а то мама тут до полуночи не закончит," – подумал я и отложил себе тарелку плова с курицей. Закончив трапезу, я приступил к чаепитию, прикусывая пряником. За окном разливалась всё та же постепенно находящая вечерняя темень и пушистый снежок. Эта синева на снегу и зажжённые фонари просто манили меня выйти наружу. "Интересно, а в Крыму сейчас птиц много? У них, выходит, не дождливый, а птичий сезон начался... Черт, который час!?" – я очнулся и посмотрел на часы: пол-шестого! Я поставил тарелку в раковину и побежал одеваться.

– Мам, я гулять!

– Хорошо! Только звони! Телефон взял?

– Да, со мной!

– Ладно, не броди допоздна! Люблю тебя!

– И я тебя! – крикнул я, уже закрывая за собой дверь.

Выбежав из подъезда, я завернул за угол и побежал на место встречи, на "кораблик". Бегом было минут десять, но я хотел прийти первым.

Добежал я, к счастью, быстро. На площадке тусили Лена, Зиля и Инга. Вскоре подошли Белый с Аймом.

– Ну че, куда пойдём?

– Предлагаю... о, чёй-то!? – отвлёк внимание Белый и вlepил Зиле снежком прямо в капюшон.

– Ах ты бульбаш! А ну иди сюда!

Началась игра в снежки. Парни кидались, девчонки хохотали, те валили их в сугроб. Мы играли, веселились, порой трескали о всяких разностях. Короче говоря, нам было весело. Вплоть до того самого момента... Мы так долго бродили, что не заметили, как зашли в то место, куда заходить не следовало. Возможно, сверни мы в другую сторону или поверни домой, мы бы в эту историю не попали...

Свет фонаря помог разглядеть три силуэта, идущих на нас. Ясное дело, это могли быть кто угодно, но по пьяному ржачу и тлеющий сигарке в зубах рослого я сразу догадался, кто это был – Родович со своей бандой. Эти придурки думали, что "держат в страхе весь район", а по факту они только бродили всё время туда-сюда, хвасталась дорогими заграничными вещами и портили чужую собственность. По-серьёзному от их выходок страдали только простые ребята, что было действительно несправедливо, но хороший отпор им пока никто не решался дать. Этой бандитской компании многие старались избегать, но в тот день у нас, к сожалению, этого не вышло.

– Эй, Сань, че за лохов к нам занесло?

– Да это ж та мелочь из восьмого! Хера, и сеструха твоя!

– Че здесь забыли, черти? – Родович задымил и подкатил ближе, – Мелкая, ты чё не дома? А ну марш!

– Я тебе не мелкая, у меня имя есть. Где хочу, там и гуляю, я отчима-уголовника не шугаюсь, – грозно парировала Инга.

– Я с тобой ещё перетру!.. Ба, да тут Ущербный, братья! – обратился Родович к своим упырям. Группа сдвинулась кольцом. Они были довольно широкие, в буквальном смысле, так что проскочить между ними не удалось бы никому.

– Пройти дай, чертила!

– Щого!?

– Повторяю для чертилы: пройти-дай-запятая-чертила-восклицательный знак, – с этими гамадрилами нужно было говорить только спокойным тоном. Чуть в сторону уйдешь, чуть слабину в голосе пропустишь – всё, пиши "пропало", точно поколотят. Но, к счастью, моя мать – учитель русского языка и литературы, так что в переговорах с таким быдлом я был не промах. Родович приблизился ко мне вплотную.

– За слова ответишь, свинья?

Его смачный харчок прилетел мне прямо в глаз. Нет. Я этого так не оставлю. Нельзя так со мной.

Я собрал всю свою ненависть и злобу в кулак, но их было так много, что, казалось, и целого кулака не хватит. Предвидев, что будет побоище, я поступил, как учил мой тренер: "Вдох. Досчитать до пяти. Выдох." Я был готов.

Мой удар пришёлся Сане чуть ниже переносицы, удалось крепко разбить ему нос и на время вывести из числа соперников. Его парни двинулись на меня. Я собрал руки у головы и стал тратить на каждого по три секунды, как учили. Лысый замахнулся... раз, два, три, отошёл – он покачнулся его добил с левой Белый, набежал парень в шапке. Он атаковал, но я поставил блок – раз, два, три, – апперкот и "почтальон", он шмякнулся об дерево, я отскочил в сторону. Теперь снова налетел лысый, отыграв ложный удар – уход, два, три – опять выведен. Таким макаром мы бы забили этих придурков до конца, если бы не Родович: Саня очнулся, утёр кровь с перекошенного носа и двинулся на меня. Зилия попытался вывести его из игры сразу, но тот шибанул его в живот с колена. Ленка рванула к Серёге, Аймо, прибив одного с правой и оттолкнув с ноги в сторону, окрикнул меня: "Пашка, берегись!" Я развернулся, но было уже поздно – Родович размахнулся и вмазал мне "кружкой". Всё поплыло, ноги разъехались, и я свалился на снег. То, что произошло дальше, смутно отпечаталось в памяти: девки убежали, кто-то из ребят успел шибануть Санька ещё раз. Бандюги свалили, всё потемнело.

Вскоре я очнулся в тёплом месте. Пахло лекарствами и старыми вещами – я был у Айма дома, без сомненья. Его отец, Иван Максимыч (по-фински его звали Йоханнес... Матти, кажется), в Хельсинки работал врачом-хирургом, но по приезде в Минск не смог устроиться работать по специальности, так как с нашими зарплатами и уважением к врачам особо не проживёшь. Он устроился работать в какую-то страховую компанию, а врачевание осталось как хобби. С другой стороны, было странно, почему же семья Айма переехала из одной из самых развитых стран Европы сюда, в Беларусь? Разумеется, у них тут есть родственники. Также стоит упомянуть многоуважаемого прадедушку Айма, который прошёл две войны, и ему было что поведать. Кроме заботы о близких его семью тут ничего не держало, отчего же они просто не забрали деда Матти с собой? Да, видно, хорошо у нас... хорошо!

Я окончательно пришёл в себя и привстал с дивана. Ощувив тяжесть на левой брови, я тут же ощупал её – на ней был шов мелкой строчкой, сантиметра полтора-два в длину. Всплыли мысли о том, что произошло вечером. Дверь скрипнула, я насторожился. В комнату вошел невысокий седовласый старик с тростью в руках и в свитере – это был дед Матти. Он присел на креслице рядом с телевизором.

– Hey, taistelisa! Miten jumalanpalvelus? Haulit naarmuuntuilat?

– Ei, jouduin tappeluun pihalla. Yhden paskiaisen kanssa, mursisn neinen nenänsä.

– Muistan havanneeni nousakkaan nuorena. En osannut punua konteliaasti, joten ymmärin.

Дед задумался. Видно, вспоминал минувшие дни молодости. Потом спросил, серьёзно глядя на меня из-под седых бровей

– Minkä vuoksi olet taisteli?

– Totuuden vuoksi, – ответил я. Дед Матти с уважением покачал головой.

– Kyllä, totuus – hän on tällainen... Kenen puolella on, sitäi vahnvempia,¹ – тут в комнату зашёл Аймо.

– Привет, дедуль! Ну как, Паш, очнулся? Папа сказал, что тебе повезло ещё: после таких ударов обычно не встают совсем.

– Ну, это счастье... – грустно усмехнулся я.

– Знаешь, что я тут смекнул: идти тебе домой сейчас опасно, того и гляди поймают или сам сознание потеряешь. Оставайся-ка тут. Про маму твою не бойся, я ей позвонил...

– Сильно беспокоится?

– Да не, я сказал, что мы все с прогулки устали, и вы у меня ночевать остались. Мы тебе кровать разложим, умывайся да ложись на боковую!

Я отправился в ванную умываться. Почистив зубы и посмотревшись в зеркало, я увидел, как аккуратно была зашита бровь. Тяжесть шва ноющей болью отдавалась в виске. "Угораздило же... Ладно, боль только в воображении. Надо отвлечься и поспать..." Я решил пока больше не думать об этом инциденте и поскорее заснуть.

Пока я ложился в постель и закутывался в одеяло, у меня вдруг промелькнула мысль: "Посуда... Я совсем забыл помыть посуду!..."

¹ – Здорова, боец! Как служба? Шрапнелью цепануло?

Глава II.

«...В которой те самые последствия

первый раз дают о себе знать...»

Проснувшись рано утром, я быстренько умылся, почистил зубы и собрался уходить. Аймо вскочил вместе со мной и вызвался меня проводить. Он довёл меня до лифта и, попрощавшись, ушёл досыпать своё. А я, собравшись с духом, вышел в сторону своего дома.

Забрезжил рассвет, из тёмно-синего, слегка отливающего рыжиной, небо постепенно становилось каким-то сначала серовато-жёлтым, а потом и совсем серым. Я думал, что сегодня опять начнётся снегопад, как и вчера, но этого не случилось: снег лежал ровными сугробами, ни одна пушинка не двигалась с места. Не было ни ветра, ни облаков, ни мрачного зимнего солнца, даже людей - и тех не было. Будто бы весь мир в эту декабрьскую субботу замер и боялся каждого движения. День выдался каким-то сухим и неприятным, будто бы наступает весна, а не близится Новый год.

Всю дорогу в голове роились тяжёлые мысли о вчерашней потасовке. Правда хоть и была на моей стороне, но Родович этого всё равно не признает. Одно я знал железно: за разбитый нос он будит мстить.

Помнится, как он над одним коротышкой храбрым посмеяться решил. Данька Сидоров, кажется, его звали. На завтраке в столовой Родович, проходя мимо, ткнул Даньку лицом в овсянку. Храбрец, разумеется, в долгу не остался: он схватил Родовича за майку и вылил ему за ворот кисель, вдогонку толкнув и обозвав "козлом". Саня подошёл к нему, схватил за грудки и сказал: "Зайцы трусят, львы едят", после чего молча бросил Даньку в сторону стула. На некоторое время храбрец позабыл о стычке. Он расслабился: каждый день приходил в школу как ни в чём ни бывало, весело беседовал с друзьями, Саню обходил стороной. Длилось это напряжённое затишье недолго – Родович затаил обиду. Унизили его, а он этого, как показывает практика, просто так не оставляет. Примерно через неделю, когда Сидоров возвращался домой, Родович с толпой своих дружков-старшаков уже выжидали, пока он свернёт за угол. Саня схватил его за ворот и произнёс заветное: "Зайцы трусят, львы едят". В той драке... да что там драке, это была обыкновенная казнь: десять отмороженных гопников навалились на Даньку и хорошенько отдубасили. Ему сломали два ребра, кисть правой руки, нос и наградили здоровенным фонарём под глазом. Парень чудом выжил, ни один жизненно важный орган упыри не смогли повредить, но в школе он не появлялся долго - месяц провалялся дома, да и потом немного прихрамывал. Он утверждал, что попал под колёса и это был просто несчастный случай, но все (по крайней мере, восьмые и седьмые классы) догадывались, кто его прибил. За Даньку по-серьёзному заступиться было некому: из родственников у него осталась одна бабушка, а родители погибли давно, так что делу серьёзного хода не дали. Само собой разумеется, Родовича стали бояться ещё больше, а уж тот парень совсем растерял свою храбрость и удаль. До сих пор ему бывает тяжело правой рукой работать – сустав был частично раздроблен.

Такой жути, представьте себе, могла нагнать Инга – именно она поведала мне все подробности и детали того случая. А теперь вообразите, в каком "предвкушении" был я, зная про всю эту историю...

Я, по правде говоря, никогда не боялся драться. Страх совсем ушёл, когда прошла первая неделя спарринга в боксёрской секции. Оказалось, что бить людей не так страшно, даже порой приятно, а уворачиваться от чужих перчаток и наносить удары по незащищённым местам приятнее во сто крат, но порой, когда ты пропускаешь удар, потом второй, третий, ты сильно выбиваешься из боя: ноги не слушаются, голова перестаёт соображать и просчитывать пути отхода, а тебя всё колотят, колотят... Главное, успеть очухаться, собраться и никогда не сдаваться. Собраться и не сдаваться...

Зайдя в подъезд и поднявшись на третий этаж, я тихонько открыл дверь квартиры. Тонгту радостно залаял и завертелся вокруг ног. Нос защекотал аромат свежесваренного бульона, отчего мой изголодавшийся после тревожной ночи живот заурчал с утроенной силой. Я пошёл на кухню, где мама ждала меня с готовыми макаронами и вопросами о вчерашнем. Я присел к столу.

– Ну, потрудитесь объяснить, Павел Артемич, что вчера произошло и отчего я до утра не могла уснуть?!

– И тебе доброе утро, мам...

– Доброе. Я серьёзно, рассказывай давай. Только правду – Аймо совсем врать не умеет...

– Да во дворе сцепился с Саней, нос ему начистил, по-мирному расходиться не захотел...

Тут я уловил удивлённый мамин взгляд на своей голове. Она заметила мой шрам. Это было фиаско...

– А ну покажи... Ах! – мама всплеснула руками. – Это тот Саня тебя так? Кошмар! Он ведь убить тебя мог, понимаешь?!

– Да всё обошлось, ма!

"Давай, – думал я, – сейчас быстро поругаемся, я поем и рвану к Белому..."

– Что?! Что обошлось-то? Это ведь Иван Максимыч тебя зашил, ты только благодаря ему и жив! Не сын, а наказание...

– Мам, ты пойми... за базар ответить надо было – я ответил. По понятиям я прав.

– Бог ты мой... – мама поникла взглядом, присела на стул и подхватила голову рукой. Я почувствовал себя не в своей тарелке от её вида.

– Мам, что такое?

– Ты говоришь совсем как твой отец, – она окончательно опечалилась. – Сынок, послушай: я прошу тебя, не нарвись на неприятности! Ты у меня единственный, и... я так хочу, чтобы ты вырос правильным и добрым парнем. Не подводи меня, прошу. Знаешь... как мне не хватает твоего папы! – у мамы навернулись слёзы, она прикрыла глаза рукой.

Я мигом обнял её и вдруг почувствовал, что у меня самого глаза на мокром месте.

– Я знаю, мам... прости меня, пожалуйста... сам по нему ужасно скучаю!

Мы проплакали так ещё пару минут. Я постепенно успокоился, вытер слёзы и окончательно пришёл в себя.

– Мам, я ударил Саню за то, что он меня оскорбил, унизил перед всеми. Этого спустить нельзя было.

– Ох, сынок, я понимаю...

– Он будет мне мстить. Есть большой шанс того, что мне сильно достанется, так что я должен подготовиться. Пойми, под угрозу попасть могу не только я, но и друзья. Он мстит страшно, в этом я не сомневаюсь. Знала бы ты, насколько всё серьёзно... Только эту проблему я должен решить сам. Я, и никто другой!

Мама задумалась над чем-то, глядя в окно на заснеженную улицу.

Люди постепенно начали выходить из своих подъездов, какой-то парень выгуливал своего лабрадора. Пёс не спеша бродил, делал свои дела, как вдруг на блестящем утреннем снегу, метрах в пятнадцати от него, возникла ворона: вся чёрная, будто искупавшаяся в дёгте пополам с углём. Пёс насторожился: он прильнул к земле, готовясь к атаке и выжидая, пока хозяин его

отпустит. Парень осторожно опустился рядом с псом, плавно отстегнул поводок и дал лабрадору сигнал к атаке. Большой и белый комок, будто пущенный из картонного самострела, рванулся по направлению к вороне. Она старалась улететь, а охотник всё нагонял и нагонял. Эта гонка продолжалась недолго - вскоре пёс схватил птицу, сам того не ожидая, и гордо повернулся к хозяину, демонстрируя добычу. Не понимая, что дальше делать с пойманной птахой, пёс положил её на снег и аккуратно подтолкнул носом вперёд. Ворона некоторое время была в ступоре, не осознавая, что с ней произошло, но через пару-тройку секунд сообразила, что смерть ей не грозит, и вспорхнула, полетев куда-то вдаль, время от времени снижаясь из-за болезненного укуса.

– Хорошо, – вдруг ответила мама, – ты действительно прав. Только позволь посоветовать тебе кое-что. Что бы ни случилось, как бы ни сложились обстоятельства – не лезь на рожон, не испытывай судьбу! Такие, как Саня, это чувствуют, и не успеешь опомниться – придавят... Я знаю и понимаю, что ты смелый и сильный парень, как и твой отец в молодости, но я тебя прошу – подходи ко всему осознанно. С холодной головой. И никогда не давай волю злобе. Она, сынок, ещё никому счастья не приносила... Но я в тебя верю. Ты наш, щербинской породы! В нас стержень есть, который никогда не гнётся!

Мама крепко обняла меня. Я почувствовал, что готов заплакать, но нашёл в себе силы удержаться.

– Спасибо, мам... Спасибо, что в меня веришь! – мама потрепала меня по голове.

– Ладно, воин! Кушай, а то остынет! – она погладила меня по плечу и ушла в комнату.

Я пододвинул к себе макароны и чашку чая. За трапезой мне пришла одна идея, которую я давно хотел воплотить, и теперь для этого был самый подходящий случай.

* * *

Белый жил относительно недалеко, равно как и Аймо. Не знаю уж, как так вышло, что почти все наши дома находились в одном районе и практически на одной улице. Когда нам было лет по восемь, мы любили гулять во дворе у Юрки: недалеко от его дома было два ряда гаражей, а между ними длинная дорога. Там славно было играть в городки, в войнушку, да и в прочие дворовые игры. Так вот, в одном из таких гаражей и проводил большую часть свободного времени Белый. Кроме своих собственных проектов и всяких самоделок, Юра любил копаться в стареньком четвёртом "Жигули" своего папы: он регулярно менял колёса с приходом зимы, доливал незамерзайки, контролировал состояние суппортов, тормозных колодок, чинил время от времени вышедшую из строя электронику да и просто занимался техобслуживанием всех составляющих автомобиля.

Я сразу слышал радио из двадцатого гаража - играл какой-то старый белорусский рок, ещё девяностых, что-то вроде "Крамы". Зайдя в гараж, я застал Белого за перебором каких-то гаек. Скорее всего, он опять раскладывал всякую мелочёвку по своим коробкам и ячейкам. Сказать по правде, ему не очень-то нравилось это занятие - пару раз на моих глазах он даже ругался с дядей Серёжей, его отцом, который иногда нечаянно перемешивал содержимое ящичков. Да уж, дух перфекционизма ему перешёл от мамы, без сомнения.

– Здорово, Юр! Что, опять перепутки? – поинтересовался я.

– Да и не говори, неделю назад разбирали, опять помойку устроили. Что ж такое, хоть под замок запирай! – Белый яростно кинул скопившиеся в руке гайки в очередной коробок.

– Ты, брат, таким темпом и гараж батин себе ухватишь к совершеннолетию вместе с "Жигулём"!

– Я уж думал, это было бы кстати... Да, очень даже, – Белый закончил с очередным рядом коробков и засунул их в тумбочный шкаф, крепко задвинув дверцу с ноги. – Ты как, жив после

побоища? Этот хмырь на тебя так наскочил, я перетрухал весь, но потом челюсть ему зацепил знатно, – оказалось, что наша "победа" была отчасти делом рук и Юрки.

– Да, что-то припоминаю... Насчёт Сани у меня идея одна есть. Небезопасная, конечно, но если выгорит, то мы сможем его пресечь, раз и навсегда.

– Ну, выкладывай, я весь внимание, – сосредоточенно произнёс Белый. Я принялся рассказывать про мой замысел, а он тем временем убавил громкость на приёмнике.

– Слушай, помнится, у тебя аккумулятор был старый, который тогда потёк. Он ведь ещё сохранился?

– Допустим, да. Что с того?

– А то, что мне железяки из него нужны. Хочу в кастет переплавить. Чтоб в ладошке хорошо сидел...

Белый смутился. Наверное, не такой идеи он от меня ожидал, хотя и понимал, что она будет связана с нанесением врагу тяжких увечий.

– Ты ведь понимаешь, что это статья, причём очень серьёзная? И ведь все на учёт встанем, и ты, и я!

– Понимаю, но ведь и ты...

– А как родители: мои, твоя мама? О них ты подумал? А если ты его убьёшь?!

Белый начинал вскипать, а в таком состоянии разговаривать с ним было трудно. Я схватил его за плечи и резко тряхнул, согнав всю истерику.

– Да послушай ты! Саня меня чуть не убил, и, знаешь ли, мне этого хватило. Теперь его очередь будет отвечать, и не только передо мной, но и перед Зилей, Данькой и всеми теми, кому от него жизни не было! Разумеешь?

– Разумею...

– А раз так, то помоги мне, брат. Без тебя никак...

Юра на миг смутился, вероятно, что-то вспоминая или прикидывая, после чего ответил:

– Хорошо, что ещё сказать... Помогу, только если обещаешь, что никого не кокнешь!

– Ладно, обещаю. Будет не в целости, но в сохранности, аха-ха!

– Ох уж эти приколы твои... Ладно, твоя уверенность меня бодрит. Давай, тащи ту квадратную жестянку и песка в неё зачерпни из ящика. Я пока аккумуля поищу...

Я вышел на улицу с жестяной коробкой. С трудом поддев тяжёлую крышку стального ящика, я нагрёб в лоханку песка до самых краёв и вернулся в гараж. Белый уже выставил аккумулятор и что-то искал за шкафом. "Ага, вот ты где!" – обрадовался он и вынул из-за угла здоровенный топор.

– Наш, советский ещё... Старенький, но рубит до сих пор на убой. Ломать готов? – я взял у Юрки топор, замахнулся и ударил из-за головы. Тяжёлое лезвие вонзилось в аккумулятор, но разбить его сразу не смогло. Удар, удар, ещё удар – наконец тяжёлый корпус распался, изнутри показались серые картриджи со свинцовыми сетками. Дело было за малым...

Кастет вышел что надо. Конечно, не как в американских фильмах, с отдельным разъёмом для каждого пальца, но для самозащиты это была первая вещь: на тыльной стороне ладони лежала увесистая свинцовая гирька, от которой плавно отходили два толстых уса, соединяющихся в один заточенный полукруг на стороне костяшек. На внутренней части мы в качестве знака отличия выбрали крест.

– Да, таким шибанёшь – мало не покажется!

– Придётся мне его везде с собой носить. Ну, благо у нас вещи никто не проверяет, кроме родителей.

– Слушай, Паш, – выступил с предложением Белый, – а чё ты ему сам "стрелу" не забьёшь? Чтоб всё по-честному было, по правилам.

– Да не дерётся он по правилам, Юра! Ни по правилам, ни по понятиям. Он ведь как зверюга – только сильного признаёт, а если слабее окажешься – растопчет и не заметит. Вот и вся история. По-настоящему победить Санька я смогу только на его земле. По его законам...

– Ладно, – согласился Белый, – может быть, ты и прав. Он сам тебя скоро найдёт, но будешь ли ты сам готов? Кастет ты можешь и не успеть достать, а тебя уже и того... Шо тогда?

– А знаешь, шо? Я к ним без приглашения приду. Один.

* * *

Парней я решил пока не ставить в известность о том, что я задумал – мне нужно было спокойно подготовиться ко встрече. Я знал подходящее место для хорошей тренировки, в котором меня никто не побеспокоит.

Это была старая боксёрская секция, ещё времён Брежнева и Машерова. Именно там я занимался спортом класса до шестого. Потом секцию закрыли, по всей видимости, из-за кризиса, а работники и тренеры попали под сокращение. По иронии судьбы эта секция была одной из самых современных и передовых для того времени, если не самой передовой во всём Ленинском районе, так что записываться после её закрытия в другое место желания особо не было.

При входе в старое здание меня встретила истлевшая надпись "СДЮШОР "Чинук"". Я поднялся по треснувшим ступенькам, открыл скрипучую деревянную дверь и попал в узкий коридор. В нос ударил запах влажного бетона и старой кожи. Пройдя вдоль до ресепшена, в котором до закрытия зачем-то поменяли стол, я попал в большой спортивный зал с боксёрскими грушами, спортивными атрибутами в ящиках и турниках. Да, здесь практически ничего не изменилось, разве что одна груша оторвалась от проржавевшей цепи, а в крыше зияла дыра, через которую бледный луч зимнего солнца попадал в помещение. Скинув с себя шапку и ватник, я достал из сумки кеды и стал переобуваться. Стоять, натянув на ноги куски резины с тряпками, да ещё и на таком морозе было довольно дискомфортно, поэтому я сразу начал разминку, дабы не закороченеть.

После небольшой пробежки я приступил к подтягиваниям. Слава богу, взял с собой бинты, чтобы не прикоченеть к стальным турникам. Первые десять раз дались легко, а вот на тринадцатом забились мышцы, но через силу удалось подтянуться пятнадцать раз. Я спрыгнул с турника и встряхнул руки, ощутив, что мне стало теплее. Ещё немного размяв корпус, я направился к боксёрским грушам. Отыскать хорошую было трудновато: на весь зал их было пять, одна из которых упала, а две, как оказалось, были дырявые. С негнилой цепью и целой начинкой была только одна, и я приступил к отработке движений. "Левой, левой, хук; левой-правой, апперкот; левой, нырок, апперкот". Получалось ровно, но как будто нескоординированно, нечётко. Я стал вспоминать и пробовать всё, что знаю: приём с лоу-киком из кикбоксинга, маятник с наклоном, даже вертушку кое-как попытался провернуть. Удары были сильные, но соединить все движения в один приём, как в один удар, не получалось – пожалуй, сказывалось долгое отсутствие тренировок. Я со злости долбанул по груше – она отшатнулась к стене и прилетела мне в ухо. Было обидно и больно.

Вдруг я услышал до удивления знакомый низкий, басовитый мужской смех:

– Ну, брат, мешок-то и ответить может! – это был тот человек, с которым мы не виделись с двухтысячного года...

Именно он научил меня постоять за себя и обучил почти всему, что знал сам. Это был мой тренер по боксу – Дмитрий Сергеевич Смолевич. Для своих пятидесяти лет он выглядел очень молодо. Ясное дело, ведь спортом он занимался лет сорок с чем-то. При "Союзе" он состоял в Международной ассоциации любительского бокса, ко всему прочему, был ещё и мастером спорта по кикбоксингу. Всех его спортивных заслуг перечислить не хватит времени,

но он совершенно точно был лучшим тренером в Минске. Его вроде бы даже президент к себе приглашал, хотя наверняка не знаю.

Когда я только пришёл заниматься боксом, ещё в первом классе, я, разумеется, был тот ещё доходяга, но Дмитрий Сергеевич не отвернулся от меня. Он заметил мой искренний интерес к спорту и стал выращивать из меня бойца. Всё случилось нескоро, очень даже нескоро: на первых занятиях я, как и все, делал ОФП, растягивался, качал мышцы. Спустя некоторое время Дмитрий Сергеевич стал оставлять меня после занятий, я начал делать в два раза больше, чем остальные: больше отжиманий, больше приседаний, дольше растяжка и изнурительнее бег. Со временем тренер начал ставить мой удар, рассказывать про технику боя, про то, что важно бить не сильно, а часто, что нужно не бросаться на противника, а запутывать его и вести за собой. Скоро я стал одним из лучших в группе, а потом и лучшим учеником. Да, умение просчитывать ходы наперёд, свои и чужие, напористость и хладнокровие – всё это, безусловно, пригождалось не только в спорте, но и в повседневной жизни. Дела хорошо шли и с учёбой, и с друзьями. В общем, нет таких слов, которыми я могу отблагодарить этого человека. Скажу точно: на школьном этапе жизни он здорово заменил мне отца.

– Дмитрий Сергеич! Сколько ж мы не виделись?

– Да, почитай, как три года будет! Ну, как ты сам? Уроки мои помнишь ещё?

– Скажите, вы тут как... откуда... какими судьбами?... – ужасно волнительно было увидеться с тренером спустя целых три года.

– Да проходил тут мимо, слышал, как лупит кто-то во всю, дай, думаю, зайду. А ты что же, прошлое решил вспомнить?

– Я тут разминаюсь для... кое-чего, – эх, не хотелось ему говорить, но от тренера такого не утаишь, особенно от Дмитрия Сергеевича.

– А, ясно дело, на побоище собрался. Всё понятно.

– Дмитрий Сергеич, помогите. Я уже всё испробовал, да как обычно...

– Неслаженно. Плавали, знаем.

Верно, все мои огрехи он знал с малых лет. Ему я мог доверять больше, чем себе, да и не только в тренировках.

– Ты торопишься, как обычно, и силу хочешь в удар вложить такую, чтобы противник в стратосферу улетел, а тебе вертеться надо не забывать. В боксе что главное?

– Ну, голова и ноги...

– Оно и верно! В них вся координация, забудешь про ноги – и всё, бой проигран.

Тренер подошёл к ящику с инвентарём, достал две резиновые палки для отработки ударов и встал за грушу.

– Давай почтальон, наклон, левой-правой и уход.

Я провёл первую комбинацию.

– Шаг! За шагом следи, здесь приставной от правой!

Спустя три попытки «почтальон» получился, но я не успел сделать наклон до конца. Мне прилетело справа.

– А ну не спать! Сначала! Не спеши, не суетись! – атака почти прошла, но ещё нужно было отойти. Я попытался, но вышло только уклониться назад. Пошатнувшись на правой ноге, едва не падая от усталости, я чуть не рухнул на спину. Дмитрий Сергеевич покачал головой.

– Надо вес держать на обеих ногах, а то тебя можно будет одним пальцем победить. Давай-ка другое попробуем. Эх, забыл ты мою технику...

Мы стали делать упражнения на доразминку ног: движение приставным шагом, приставной шаг с уклонами, которые потом перешли в удары. Я начал ощущать всё то, что чувствовал раньше на тренировках: боль в мышцах, но приятную, подзадоривавшую к действиям, к атаке, к работе над ударами; усталость, но ту, которая помогает тренировать силу воли, выносливость и стойкость. Каждое верное движение обеспечивало баланс сил, придавало бодрости

духу. Наша тренировка длилась от силы минут сорок, но я чувствовал в себе заряда ещё на час. Хотя головой я не устал, но тело было подымотано. В скором времени мы стали отрабатывать удары, я постарался максимально собраться перед началом. Мы решили сперва отработать комбинацию с «почтальоном», чтобы довести дело до конца.

– А теперь не думай про руки. Забудь об их длине, весе, скорости. Думай о голове, которую нужно защитить, о корпусе. Сейчас вместо отхода делай уклон и переход – нужно подвигаться.

Я подошёл к груше. Вдох. Досчитать до пяти. Выдох. Почтальон, наклон, левой-правой – "бам" – я успел двинуться влево. Наконец-то стало получаться! Я проделал так ещё раз восемь и со всей силы двинул по груше с правой: она отшатнулась к батарее, наверху что-то оторвалось и отлетело в сторону, а груша свалилась на пол и чуть меня не зашибла – я успел отойти. Дмитрий Сергеевич заливался смехом: "Да, брат, последнюю хорошую грушу мне сорвал!" Я поглядел вверх: не такая уж и хорошая была эта груша, её цепь тоже оказалась со ржавчиной. Наверное, вначале меня смутил блеск стальной балки, поэтому эта груша и показалась мне надёжней остальных.

– Ладно, дружище, – сказал тренер, – к бою ты готов, молодец. Спасибо, что и старику напомнил, каково это – от души позаниматься!

– Да какой вы старик, ей богу! Это вам спасибо!

Я направился к сумке и начал постепенно переодеваться обратно. Вдруг у меня в голове всплыл вопрос, который я забыл задать при нашей встрече.

– Дмитрий Сергеевич, скажите, а как вы после закрытия клуба живёте? Извините, может, очень личное, просто... интересно.

Дмитрий Сергеевич слегка прищурил серые глаза, смотря на дыру в крыше, свет из которой постепенно начинал тускнеть.

– Да как ещё тут проживёшь. После того как всех распустили, я ещё кое-куда устроился тренером, да с начальством не сошлись. Потом в один спортивный центр ушёл, там ещё проработал год, да болячку у меня нашли: грыжа, причём целых две. Оно и понятно, мне уж шестой десяток идёт, – да уж, столько событий всего за три года.

Я не знал, как его подбодрить после этих слов, хотя он не сильно опечалился, даже, как мне показалось, его мысли переключились на более приятные эпизоды из прошлого.

– А сейчас вы где работаете?

– Пока в магазин боксёрский устроился, консультантом, а там уж как выведет. Уважают меня в коллективе! – усмехнулся тренер, – "папаней" называют, чудные!

Я был доволен тем, что у Дмитрия Сергеевича всё складывалось более-менее нормально. Застегнув куртку под горло и накинув шапку, я попрощался с ним и собрался уходить. Внезапно я услышал за спиной его голос.

– Всё-таки драться решил? Ты его сюда приводи, хоть в перчатках подерётесь, пока ринг ещё держится!

– Да я бы с радостью, но тут такое дело... Этот бой я должен окончить в нашу пользу.

– Хорошо, – понимающе кивнул он, – только следи за собой и никого не убей.

Как же мне не хотелось говорить Дмитрию Сергеевичу о том, что я собираюсь вести бой нечестно!

Глава III.

«...В которой всё наконец

решается...»

Воскресное утро этой недели ничем не отличалось от субботнего, кроме солнечных лучей, то и дело пробивавшихся сквозь бесконечные зимние тучи. Несмотря на редкие блики утреннего солнца, пытавшихся вызвать положительные эмоции, мой мозг находился в строгой сосредоточенности.

После небольшой прогулки с Тонтту я направился в ванную умываться. Хорошенько обваляв щётку в зубном порошке, я принялся за водные процедуры. Отдраив зубы до скрипящей чистоты, я набрал в ладони прохладной воды и трижды ополоснул заспанное лицо. Я вытерся полотенцем и глянул в зеркало. Нечёсанные волосы и чуть отросший пучок на губе меня не сильно волновали – мой взгляд в первую очередь упал на бровь. Выглядело в разы лучше, чем вчера: разбитая до мяса кожа начинала аккуратно срастаться благодаря шву Ивана Максимыча. При взгляде на ранение сразу начали всплывать неприятные воспоминания о прошлой потасовке, а страх будущей начал подбираться к горлу, но я его тотчас отрезал, резко махнув головой. «Ай и чёрт с ним, главное, новых ссадин не схлопотать».

Выйдя из ванной, я почуял приятный запах яичницы с колбасой, заботливо оставленной мамой на сковороде под алюминиевой крышкой. «А я и забыл, – пронеслось в голове, – мама ушла на учёбу...» Я достал из холодильника огурец, промыл его под струёй и, поставив на стол тёплую сковороду, полез за вилкой в шкафчик. Налив себе чаю из керамического чайничка, я засел трапезничать.

Наверное, со стороны я мог показаться человеком не выспавшимся, и оттого с только включающимся в работу мозгом, смотрящим в одну точку. Всё же это была одна только видимость: к тому моменту, как я дожевал последний шмак глазуньи и запил его заваркой, в голове уже сформировался дальнейший ход действий. Мои размышления выглядели так: «Если сковорода была чуть тёплой, а яичница даже немного горячеей, то мама ушла минут десять назад. Обычно она возвращается с учёбы в субботу в три часа или около того. На часах была сейчас половина двенадцати. Идти до места около получаса, обратно, наверное, столько же, на месте минут двадцать с чем-то, итого около полутора часов. В два-десять должен быть дома». Я отнёс свою посуду в раковину. При взгляде на гору других невымытых тарелок, оставшихся со вчерашнего дня, расчёт немного изменился: «Эмм... В два двадцать дома, два-тридцать – предел...»

Вскоре посуда была вымыта, я начал собираться. Нужно было одеваться чуть легче, чем обычно, только не слишком легко, чтобы не замёрзнуть. Я не придумал ничего лучше, кроме как надеть старый отцовский свитер, который мы привезли когда-то из деревни, и свою поношенную спортивную куртку. Заправив подштанники в носки и натянув берцы, я прошёл в комнату и достал из-под подушки кастет. «Всё-таки, опасно...» Я погасил свет, вышел в подъезд, запер дверь и засеменял по лестнице. Выйдя на улицу, я резко свернул налево и по хрустящему снегу зашагал вдоль дороги. Перейдя узкую дорожку, я вышел к пошарпанной временем арке, прошивающей соседний многоквартирный дом насквозь. Эхо моих шагов проводило меня вдоль хулиганских надписей и потрескавшейся штукатурки. Я перебежал дорогу перед гудевшей «девяткой» и вышел на дорожку, ведущую через местный парк.

Идя по тропинке, я зачем-то свернул к реке. Из-за макушек показалась башня часовенки нового костёла, я приостановился. Да, хотя церковь и была новодельная, что-то приятное ощущалось в её простом конусе с крестом наверху и решётчатых окнах по бокам. Не найдя в себе силы просто развернуться и идти дальше, я по обычаю перекрестился и коротко поклонился. Католиком я не был, но всё же что-то внутри подтолкнуло меня к этому. Я перешёл ледяную гладь речки через нечищеную тропку, прошёл зимний скверик и вышел на сторону маленьких жилых домов. Здесь и начинался тот самый Заводской район – место, которое во время прогулки стоило обходить стороной, а если уж и не удавалось, ни в коем случае не следовало заходить вглубь. Всё же в этот раз мне пришлось это сделать.

Насколько я знал, Родович со своей свитой отвисал в местных гаражах близ заброшенной стройки. К слову сказать, была она настолько запущенная, что на месте её песчаного пустыря стали расти разные кустики, полевые цветы и даже парочка деревьев. Рядом с этим местом, к радости для всей отвисающей там черни, был старенький пивной ларёк, так что ублюдки в свободное от «работы» время обитали в своей среде. Штука в том, что если бы пустырь находился где-нибудь в отдалённом районе, в тех же цыганских Шабанах, то проблем от бандюганов простым людям бы удалось избежать, но эта чёртова дыра лежала практически в самом парке Октября, что позволяло гопоте ближе к сумеркам вылезать на «охоту». Оставалось только тешить себя надеждами на то, что этот барак окончательно сравняют с землёй и построят на его месте хотя бы небольшой стадион. Хотя надежда эта слабая.

Пройдя вдоль по городской улице, я минул два подземных перехода и вновь вышел к лесу через улочку старых покосившихся домиков. К пустырю лежала только одна тропинка – напрямую через густой лес, скрывавший за своими колючими ветками и белоснежными макушками что-то таинственное и загадочное. Сама тропинка была запорошена снегом, никаких следов или признаков недавнего пребывания здесь людей не было. Меня это напрягло, но мало смутило, и я смело шагнул в чашу, продавив толстый снежный покров подошвой берцев.

Снег хрустел под ногами, выводя ребристые следы, ёлки и сосны трещали от декабрьского мороза, некоторые стволы чуть покачивались от ветра. Я начал чувствовать, что подмерзаю, поэтому зашагал быстрее. Вдруг я услышал, как ветка сзади меня хрустнула, да с такой силой, что я даже вздрогнул (хотя вздрогнул я, скорее, от неожиданности). «Что за хренотень? Какой-то зверь? Или дружки Родовича по пятам идут?» Я резко развернулся, но позади никого не оказалось. Только ветерок подгонял снежок с сугробов, поддевая еловые лапы. «Ладно, пора идти, время поджимает», – поразмыслил я и зашагал дальше.

Вскоре лес закончился и взору открылось то самое поле: огромная площадь неустроенной земли, выступавшая на окраине леса настоящей проплешиной. Полноценных сооружений на этой территории не было, за исключением двух гаражей, один из которых и гаражом-то назвать было сложно, так – деревянная хибарка. В остальном же всё пространство занимали бетонные обломки заграждений и фундаментов, плюс ко всему строители оставили после себя кучу хлама практически посреди поля. То были всякие стальные трубы, каркасы и осколки кирпичей. Местные маргиналы даже сколотили себе что-то вроде ворот для игры в футбол из того, что нашли в строительном мусоре, так что жилось этим тварям тут неплохо.

У гаражей стояло двое пацанов – один постарше и подлиннее, стриженный в кружок, во втором я узнал лысого гадину, которому я наподдал в той драке с Саней. Я подошёл чуть ближе к гаражу. Лысый, выпустив серое облачко табачного дыма, пристально посмотрел на меня.

– Э, а ну стой! – свистнул он, что-то сказал долговязому, после чего тот отошёл за гаражи.
– Стой те грю! Ближе не подходи!

Я приостановился.

– Тебе чего, Ущербный?

– Родович здесь?

– Да он-то здесь, – начал лысый, – а ты шо, умереть надумал? Тогда милости просим, ехе-хе, – гоготнул гопник.

Из-за хибары выкатился Родович в сопровождении долговязого, его рот обнажил ряд жёлтых от табака зубов.

– Во тыя на, хлопцы! Якія часы, здабыча сама на ражон прэ! – обрадовался Саня и смачно харкнул в сторону. – Шо, рахункі с жыщцём вырашыў звесці? Ну, сільвупле! А ну, братцы, фьюіть!² – присвистнул Родович, и двое его прихвостней вышли из сарая, ещё двое из-за кучи мусора.

– Ну что, четверо на одного? Твоим друзьям в тот раз мало было от меня? – неожиданно для себя расхрабрился я.

– Те башки разбитой не хватило? – со злостью в голосе хрипловато выдавил Саня.

– А тебе, походу, носа, – выдал я, Саня опешил. – Раз уж я к тебе сам пришёл, чё бы нам раз на раз не выйти?

Пока мы перекрикивались, из гаража незаметно вылез тучный мужик в габардиновом пиджаке, лысый, как коленка. Он аккуратно пристроился на бетонном блоке и стал наблюдать за нами. В тот момент для меня было удивительно встретить в этом клоповнике кого-то старше сорока лет (а именно на столько выглядел толстяк). Но в тот момент мне было не до него.

– Я пришёл биться с тобой, Саня, мне твои сошки не нужны.

Тут толстяк что-то шепнул Родовичу, тот кивнул ему.

– А ты мне здесь не нужен! Моя земля – мои правила!

– Ну, раз уж ты хочешь... Но я их покалечу, просто предупреждаю... – Вдох. Пять секунд. Выдох. Главное – бить от души... Поехали.

Двое упырей примерно моей комплекции подошли сзади, один налетел на меня спереди, я пригнулся и отошёл, он по инерции чуть не влетел в своего товарища сзади. Второй попытался ударить с правой, но я провёл «циркуль» и, зарядив ему в живот, откинул в сторону и отошёл. Обернуться я не успел – попался в захват какому-то пацану, другой набежал на меня, я оттолкнул его, ухитрился дать с ноги в челюсть, он споткнулся об бетонный блок и рухнул в снег. Отойти я не смог – сзади меня схватил какой-то здоровяк, на голову выше меня. Я ударил его с локтя, раз, ещё раз – его предплечья, душившие меня, ослабли, я вышел из захвата и зарядил ему со всей дури хук, апперкот и «почтальона», он отшатнулся. Второй, тот, что был моей комплекции, налетел спереди, я неожиданно отшатнулся вправо, поставив подножку. Он рухнул в снег, шапка слетела со стриженной головы. Я тут же поспешил отпрыгнуть в сторону.

«Не тормозить... только не стоять... нельзя встать, нельзя... сейчас нельзя...» – судорожно повторял я про себя, перебегая от одного упыря к другому. Больше сил я затрачивал на перемещение, чем на удары, но именно это меня пока что и спасало от загона и возможной гибели. «Главное – ноги... иначе бой проигран...»

Вдруг сзади подскочил какой-то пацан в кепке, схватил меня за ворот и дал по зубам. Я упал, но вовремя перекатился, уклонившись от летящего в меня ботинка. Кувырок – я снова на ногах. Тот парень, что меня ударил, сработал правой, я уклонился, но слишком долго возвращался обратно – пропустил ещё один удар. Пацан ещё раз махнул рукой, я ушёл и вдарил «почтальона» на опережение: раз-два, уклон, левой-правой. Я довершил ударом ноги под дых – он закашлялся и осел на землю. «Наконец-то получилось...»

Сбоку налетел паень с длинным тёмным предметом в руке. Это была труба. Я инстинктивно пригнулся, парень по инерции развернулся влево, тогда я успел подскочить и врезать ему дважды, добил ударом в живот – он повалился в снег. Вдруг подскочил пацан в свитере, провёл серию размашистых ударов, я всё заблокировал и ответил джепом и хуком с правой. Последний удар он пропустил, отчего потерял равновесие, и я довершил дело. Это был послед-

² – Во те на, хлопцы! Какие времена, добыча сама на рожон прёт! Что, счёты с жизнь решил свести? Ну, сільвупле! (бел.)

ний, как мне казалось – все четверо валялись в снегу, окроплённом алыми точками. Зубы и лицо болели, голова шла кругом, ощущался солоноватый стальной кровавой привкус во рту. Но я всё же выстоял...

– Ну что, к делу перейдём, или у тебя запасные есть? – выдавил я, тяжело дыша. Родович подошёл поближе и ухмыльнулся в ряд кривых зубов.

– Лови, сука! – услышал я приглушённый возглас позади.

Вдруг весь мир будто замедлился, время приостановилось. Я всунул руку в карман, нащупал студёную гирьку и развернулся – на меня, казалось, как будто в замедленном кино, двигался какой-то здоровый камень. Я моргнул, выставил руку вперёд и выдохнул – время снова завертелось с прежней скоростью. «Бух!» – летящий в меня кирпич разбился о свинцовый кастет.

– Хера се... – прокатились удивленные возгласы, но я уже не обращал на них внимания...

– Это для тебя... – я развернулся к Родовичу и со всей дури, равно как и он тогда, влепил ему в нижнюю челюсть.

Я услышал хруст и то, как сквозь этот звук вскрикнул Саня. Вдруг, глядя на то, как это чудовище скривило свою косую рожу от боли, я почувствовал лютую злость. Настоящее безумие, против которого не поможет ни одна дыхательная гимнастика или обратный отсчёт. Это была чистая, ничем не прикрытая звериная жестокость, с которой два хищника в борьбе за господство разрывают друг друга в клочья, о которой я всю жизнь буду с ужасом вспоминать...

Я буквально подскочил к Родовичу, схватил его за ворот кожаной зимней куртки и дал по покосившимся зубам. «Это тебе за Серёгу!» – ещё удар слева. – «Это за Данька!» – ещё удар. – «А это за всех остальных!» – я окончательно вошёл в раж и молотил Родовича так, как будто я был не человеком, а машиной для выкорчёвывания пней, работающей без перерыва и срубаящей весь мусор на пути...

Саня валялся на земле и выл от боли, все вокруг, увидев то, как я поднимаюсь с окровавленной молотилкой, попятились назад. Мужик в габардиновом пиджаке круглыми тёмно-синими глазами смотрел на меня.

– Щерба?..

– Ч-что? – запнулся я, как вдруг услышал рёв мотора позади себя. На пустырь откуда-то из леса выкатилась белая «четвёрка» и затормозила у хибары. Из кабины высунулся Аймо:

– Щерба, садись быстро!

От всего произошедшего я опешил настолько, что просто молча залез на заднее сиденье и единственное, что смог промямливать неизвестному – «Извините...»

Из гаража выбежал тот стриженный в кружок парень, держа в руке короткий пистолет и вдаль нам пару раз выстрелил, но мужик осёк его на втором выстреле. Быть может, скорый отход адреналина так подействовал на меня, но сквозь рёв мотора я успел разобрать: «Нам с его отцом ещё разборки не хватало!..»

* * *

Белоснежная четвёрка неслась вдоль реки, минуя маленькие сельские домики и выезжая к городским постройкам близ Серебрянки. Без снега под колёсами машина, наверное, тряслась бы, как маракас на фиесте, но наш белый крейсер летел по окраине довольно мягко.

Белый сидел за рулём. Для своих четырнадцати лет водил он уже довольно неплохо и теперь в глубине души, наверное, рад был продемонстрировать свои навыки. На переднем сиденье вертелся Аймо, всё проверяя, нет ли за нами хвоста, а рядом со мной глядел попеременно то в окно, то на меня негодовавший Зиля.

– Ничего не сказал, не предупредил... Герой х...ев... – начал было он, но заметив, что я был не в состоянии ему ответить, стал костерить меня себе под нос. Сердце прекратило коло-

титься в бешеном ритме только тогда, когда из-за леса показалась знакомая долина Свислочи, где мы резко свернули на Плеханова и уже скоро, чудом не зацепив милиционеров, добрались до гаража Юрки. Заехав на бетонную площадку, Белый заглушил мотор, вытащил из замка зажигания блестящий ключ и с шумом выдохнул:

– Ф-фух... Если отец узнает, мне каюк... Выходите все.

Я вышел из машины и захлопнул дверцу. Сняв с себя куртку и оставшись в одном влажном от пота свитере, я повесил её на гвоздь и подошёл к ближайшему сугробу, зачерпнул в ладони побольше снега и растер лицо. Очистившись от следов крови, я вразвалочку направился обратно.

– Паш, ну как вообще так... – заговорил Зиля, но я оборвал его, обратившись к Белому.

– Пить есть?

– Там, в холодильнике квас... – сказал Юра.

Я открыл дверцу маленького железного ящика цвета слоновой кости и вытащил оттуда литровую бутылку «Лидского». При виде её жажда ещё больше подступила, я открутил крышку и начал пить.

– Пахан, вот знаешь ли... – вежливо вступил Аймо.

– Чё? – спросил я, допив бутылку до дна и швырнув её в мусорку.

– В жопе горячо! – выпалил Зиля. – Так дела не делаются! Один на всю толпу полез, супергерой хренов! А если бы их больше было, ты бы оттуда живым не ушёл!

– Просто дольше бы возился, – сказал я, от усталости запрокинув голову и глядя в серый потолок.

– И что это такое, я не пойму: значит Юрку, нашего каваля-ўмельца, – Юрка закатил глаза и угрюмо отвернулся, – ты обо всём предупредил, а нас всех нет! Мы тебе кто, дядьки с улицы?

– Слушай, – мне уже хотелось, чтобы парни отстали со своими вопросами, – если бы не я Родовича прибил, то всё, что сделал с ним я, было бы со мной или с вами, не дай бог. Так что я должен был порешать.

– Решала хренов... – злобно пробубнил Серёга, – Да пойми ты, нам там всем эти черти накостыляли, вот и мстить нам тоже нужно было вместе, разумеешь? Мы ведь как с первого класса друг за друга стояли, так и должны дальше стоять! «Один за всех и все за одного!»

– Да чё ты начинаешь снова? Тебе мало было, когда нас «всех за одного» там поймали? Д'Артаньян, твою мать...

Я вышел на холод подостыть. Приятная прохлада обдала лицо, ветерок согнал волосы со лба.

– Ты его так чем, кастетом отделал? – спросил Аймо.

– Да, вот этим... – не успел я взглянуть на свою руку, как меня окатило холодом по телу. Я рванулся к своей куртке, ощупал все карманы, побил по карманам штанов – кастета нигде не было...

Глава IV.

«...В которой дела приобретают

всё более серьёзный оборот...»

Наручные часы издали два коротких писка, обозначив наступление следующего часа, когда я ввалился в квартиру. Благо, мамы дома ещё не было и она не имела возможности оценить мой тёмно-синий, в пурпурную крапинку, наряд. Поразмыслив, я решил, что стирать моё одеяние сейчас было бы глупо, так как у мамы, которая должна была прийти с минуты на минуту, тут же возникла бы куча ненужных вопросов, с чего, мол, я наконец соизволил постирать свои тряпки, зачем, для чего и тому подобное. Поэтому я не придумал ничего лучше, кроме как свернуть спортивную куртку и запрятать поглубже в недра своего шкафа. Осветив лицо и вымыв руки, я направился к себе в комнату.

По дороге из ванной я заприметил в тёмном углу коридора, куда из-за громоздкой обуви ницы не падал свет, одну вещь. Это был мамин портфель, с которым она ходила на работу во всех случаях, включая внеплановые дежурства, такие, как сегодня. Я уже думал начать волноваться, но после всех потрясений, что я сегодня пережил, сил уже не хватало. «Придёт, поругается и перестанет», – подумал я и уселся на кровать. Достав из-за угла желтоватую советскую гитару, провёл по струнам. На удивление, за весь месяц, что я на ней не играл, строй не поплыл, – обычно слабо держали тон шестая и пятая струны.

Я стал наигрывать что-то произвольное, переставляя мозолистые подушечки пальцев по стальным струнам. Частенько именно такие импровизации на старой маминой гитаре помогали мне сосредоточиться на своих мыслях и принять важное решение. Теперь я собирался разложить все события по полочкам у себя в голове и, насколько это возможно, составить из них хоть сколько-то внятную картину. «Родович из игры выведен, – думал я, – на какое-то время точно. Его прихвостни после того, что я натворил, соваться ко мне, пожалуй, побоятся... Но кто был тот мужик в пиджаке?...» – я немного замедлил наигрыш «Кукушки» и взглянул в окно. Солнце стало постепенно скрываться за густыми тучами, наполнявшими всё небо серой пеленой. Видно, снова близился снегопад.

«Ведь он меня по фамилии назвал. Вряд ли Саня ему про меня рассказывал... Ещё он что-то про отца сказал... Может, он что-нибудь про него знает. Нужно думать, как вернуть кастет... Заварили кашу, блин...» – мои мысли, равно как и наигрыш на гитаре, оборвал звук повернувшейся ручки. Мама зашла с двумя магазинными пакетами. Я сразу вышел к ней из комнаты – «расстрел», так «расстрел».

– Привет, мам, – начал я.

– Здорово, помоги-ка мне вот, – я взял мамины мешки и поволок их на кухню. Мама стянула варежки и шапку, встряхнув короткими локонами цвета спелой пшеницы.

– Как... как дежурство? – спросил я из кухни, догадываясь, что «казнь» за отсутствие меня дома без уважительной причины пока мне не грозит.

– Да как обычно всё: собрание провели, начинаем потихоньку итоги года подводить.

Мама обула тапки и направилась на кухню. Я разобрал сумку и прикрыл пищащий холодильник.

– Да я доразберу, ты иди...

– Ну чего ты, мам, всего ничего раскидать, – воспротивился я.
– Ты уроки-то сделал, помощник? – полусерьёзно-полушутя спросила мама, тут я вспомнил о том, что учебники я даже не доставал из портфеля.
– Ёшкин кот... – с обидой стукнул я себя по лбу.
– То-то! Иди, учись, кухня уж на мне будет! – сказала мама и стала разгребать сумки дальше, а я направился решать ненавистную мне алгебру.

* * *

Ближе к десяти вечера уравнения по алгебре были кое-как решены, русский дописан, а история с биологией выучены близко к тексту. На географию меня не хватило, да и напрягаться было незачем – оценок у меня было достаточно, да и географ вряд ли будет спрашивать. Мои зевки участились, а глаза начали слипаться, потому я решил укладываться спать. Покидав учебники, тетрадки и пенал в ранец, я вывесил свой школьный наряд отвисеться на шкафу, чтобы не идти в школу в помятом, и направился мыться. Пожелав маме доброй ночи, я разделся и лёг в постель.

Как и ожидалось, быстро заснуть не получалось – в голове крутилось множество мыслей о бурно прошедшем дне, особенно беспокоили меня две: о мужике в габардиновом пиджаке и о том, как вернуть кастет, если его до меня, конечно, не подобрал кто-то, полный негативных намерений по отношению ко мне. «Наверное, придётся снова идти на пустырь. Благо, там теперь почище... А если там будет тот мужик, или тот, с пушкой? Ладно, что теперь, сам заварил, сам и хлебаю...» – под такие слегка тревожные мысли я медленно стал погружаться в сонное состояние. Странно как-то: порой, когда что-то тревожит душу очень долго, беспокойство этой мысли ощущается всё меньше, и меньше, и меньше, и со временем та проблема, что отняла у тебя столько моральных сил, может стать рядовой по своей сути, и решение её оказывается донельзя простым и ясным. Чудно, ей богу!

* * *

Проснувшись наутро удивительно бодрым, я умылся, прошёлся с Тонтту вокруг дома и, захватив завтрак, направился в школу. Сплошные утренние сумерки накрывали наш небольшой район, и только горевшие с ночи фонари навевали своим жёлтым светом ощущение теплоты, безопасности и спокойствия. Хорошо, что вся дорога до школы была освещена, а то без фонарей на пути можно было врезаться в здоровое дерево, растущее посреди дороги, или поскользнуться на заледеневшей тропинке.

Добравшись до школы и переодев сменку, я накинул портфель и зашагал на третий этаж. Ох, посмотреть бы в глаза тому, кто придумал ставить первым уроком именно алгебру, который в начале дня требовал от тебя наибольшей точности и мыслительной активности. Хотя, кто его знает, может быть, кому-то это только на пользу...

Я пришёл не так рано, как в ту пятницу: поприветствовав Татьяну Григорьевну, я поздоровался ещё с пятью-шестью одноклассниками и сел за парту. Разложив всё для урока, я достал свой старенький блокнот и стал от скуки играть с самим собой в «крестики-нолики».

В класс вошла Ленка. На алгебре и русском они с Зилей сидели впереди меня, так что мы, бывало, болтали так на перемене или в моменты отвлечения на уроках, что порой было очень кстати. Она тоже разложила все свои принадлежности и развернулась ко мне.

– Здорóво, – со свойственной ей лёгкой манерой сказала она.
– Здорóво! – откликнулся я, оторвавшись от блокнота.
– Ну как ты? Самому-то вчера не досталось?..
– Да чего мне сделается... Тебе Зилия всё рассказал, да? – поинтересовался я.

– Конечно, как не рассказать, ты там такое выдал...

– Да ладно, я всё на адреналине делал, ничего такого... Парней Родовича жалко, им от меня досталось, а они ни при чём были. Хотя, знаешь – усе чэрці адной шэрсці!³

– Аха-хах, о-ой... – Ленка посмотрела на меня как на зазнайку, но в то же время не осуждающе, а как-то по-дружески. – Точно всё в порядке? – серьёзно, но с добротой во взгляде спросила она.

– Да, да, всё ок!

Тут в кабинет вошла Инга. Она поприветствовала учительницу и издалека скользнула взглядом между моей и ленкиной партой, будто бы выискивая что-то.

– Привет, Инн, – махнул я рукой, она мне улыбнулась.

– Привет! – сказала ей Ленка, та кивнула в её сторону.

Инга бросила ранец в сторону своей парты, да так ловко, что тот, ухватившись кожаной петелькой за крючок, повис на нём, и подозвала меня к себе. Мы вышли в коридор. Я, ещё до конца не проснувшись, вальяжно облокотился на деревяшку, прибитую к штукатуренной стене.

– Ну, как? – спросила она, вероятно, в ожидании моего рассказа о вчерашнем, глядя на меня своими ясно-голубыми глазами. Я смутился на момент, думая, как ответить на вопрос, но кое-как выкрутился.

– Да это ты скорее мне должна сказать! – с долей сарказма выдал я. – Саня-то без зубов остался. Жив он вообще или как?

– Сама не знаю. Я его и дома не видела, похоже, с друзьями своими ночевал. Чёрт его знает, пойдёт ли в школу, – сказала Инга с отвращением, – да и всё равно в общем-то!

– Да, думаю, твой отец ему бы мозги вправил, как следует!

– Да... наверное, если бы папа жив был, Саня давно уже в колонии бы отбывал, – задумчиво сказала она, глядя на деревья за окном. – Хотя, похлеще твоего ему бы не досталось!

– Да уж... не досталось бы... – я вспомнил то, как молотил этого гада. Все три моих удара, утяжелённых свинцовым кулаком и выбивавших жёлтые зубы из пропитанного табаком рта, вновь повторились в памяти. Чем дольше мозг прокручивал те жуткие картины, тем глубже я уходил в себя. К счастью, звонкий голос Инги вывел меня из раздумий.

– О, глянь, вот и наши идут!

В самом деле, по коридору третьего этажа шли Белый и Зиля, к ним сзади, толкнув спиной дверь, пристроился Аймо. Мы поздоровались и гурьбой зашли в класс. Парни скинули свои рюкзаки к местам за партами, вытряхнули учебники с тетрадями и пеналами и плюхнулись на стулья. Аймо достал свой кассетный плеер, Зиля стал снова болтать с Ленкой, а я подсел на переднюю парту перед Белым, пока она была не занята, и развернулся к нему.

– Ну что, Юр, тачку обыскал? Не было кастета?

– Несколько раз переворошил, – Белый стукнул ладонями по столу, вытаращив на меня глаза, – весь салон специально перерыл, даже сиденья сдвигал – не было твоей молотилки! – чересчур экспрессивно выпалил он, учительница строго посмотрела на нас.

– Да тихо ты! Сам понимаю, что попал, но чего вопить теперь...

– Да-да, ты прав, – спокойнее сказал Белый, – теперь надо туда идти, к гаражам. Только бы не повстречался кто...

– Так сразу после школы идти надо, – вытаскивая наушник, сказал Аймо, – народ ведь туда в будни к вечеру подваливает, так что время до семи часов будет... – мы с Белым переглянулись, Аймо вставил наушник обратно.

– Верно говорит, – покачал головой Юра, – слушай, может, правда все вместе пойдём? Для подстраховки, всё такое...

³ Все черти одной шерсти! (бел.)

– Нет, Юр, не надо. Не хватало, чтобы вас ещё эти гады поколотили, тем более, их там сегодня быть не должно, так что всё кошерно. Главное, чтобы там не... – не успел я договорить мысль, как звонок на урок резко оборвал её.

* * *

Иногда дни по настроению бывают настолько однотонными и скучными, что порой даже не замечаешь, как они пролетают. Серое небо, скрывающее солнце за плотными тучами, безветрие и морозная сухость на улице проводят тебя от выхода из дома до входа обратно, когда сумерки уже начинают брать своё и притягивать за собой столь же сухой и морозный вечер.

Сегодняшний день в школе прошёл примерно по такому сценарию: весь день за окном был мрачным и пасмурным, а учитывая то, что в школу из класса пришли человек шестнадцать из двадцати восьми возможных, обстановка была так себе. Было странное чувство усталости, будто бы с утра и до конца учебного дня я не мог настроиться на учёбу, хотя выспался я для этого достаточно. К тому же, когда мы отсидивали последнюю географию, на которой меня, как и ожидалось, не спросили, я вдруг начал проваливаться в сон – настолько скучным и монотонным было всё происходящее на уроке. Только при выходе на улицу мне удалось немного отвлечься и прийти в себя.

Мы распрощались с ребятами, и я направился в сторону дома. По моим расчётам, я должен был успеть занести свой ранец и дойти до пустыря, опередив всех подваливающих туда школьников и местных алкашей. Дорога до дома была в кои-то веки чищена, и я смог быстро дошагать до места. Отворив дверь квартиры, я швырнул рюкзак куда-то в недра тёмного коридора, замкнул замок на два оборота, сунул ключ за пазуху и скатился вниз по лестнице.

Идя к пустырю через спальные районы, я начал замечать, что вечерняя синева постепенно начала окутывать город, а редкие фонари стали зажигать свои желтоватые огни. В самом деле, немного света на моём нелёгком пути до этого клоповника не помешало бы. Вскоре домики отступили и перед глазами вырос уже знакомый лес. Я зашагал вглубь по намеченному вчера пути. Сумерки подступали к белым макушкам сосен и елей, а чувство какой-то незащищённости подбиралось всё ближе и ближе. Часы на руке пропищали о наступившем часе: шестнадцать ноль-ноль.

В параллель со следами моей ребристой подошвы от пустыря шли ещё одни, какие-то странные, будто бы дырявые. Я насторожился: «Не добрался ли до кастета кто-то раньше, чем я?..»

Лес разомкнул свои густые еловые лапы и открыл взору снежное поле с двумя гаражами. Дверь в большой гараж была чуть приоткрыта, и я, решив, что никого внутри нет, направился к сероватым бетонным блокам, окружавшим участок с потоптанным снегом, на котором ярко выступало алое пятно. При приближении мне почудилось, что в гараже что-то шевельнулось. На миг внутри всё сжалось, но я постарался успокоить себя мыслями о том, что это либо мыши копошились в каких-нибудь банках, либо это ветер так резко продул внутренности старой хибары.

Я присел на корточки и принялся шарить по снегу между здоровыми каменными балками. Копался в снегу я без варежек, поэтому очень скоро пальцы начали коченеть и поиски затруднились. Обшарив вокруг последнего блока, я стал раскапывать место сражения, отметая снег вокруг красного пятна в стороны. Однако надежды не оправдались – ничего, кроме гололёда, я под снегом откопать не смог. Прикинув, что лучше будет обойти всё по спирали ввиду огромных размеров места, я стал прочёсывать поляну от халабуды, прощупывая каждый сантиметр красноватого одеяла.

Я обтоптал всё вдоль и поперёк – моего кастета не было нигде: ни за блоками, ни перед ними, ни в самом овальном поле нашего сражения. С этого момента мне стало по-настоящему

страшно и в какой-то степени обидно за то, что всё плохое случилось так просто и неинтересно. Я присел на бетонную чушку, потирая друг об друга заледеневшие пальцы и пытаюсь согреться. Онемевшие кисти стали согреваться, тепло подступало, но столь же быстро отходило. Со злости я пнул осколок кирпича в халабуду, разбив какую-то стекляшку внутри. В конце концов я решил засунуть руки в подмышки и ладонями растереть грудь по дедовскому способу. К счастью, это сработало.

Внезапно дверь сарая открылась, от неожиданности и в то же время от ожидания какого-либо пугающего действия я подскочил на блоке. Из хибарки, в которой тускло горел свет, вывалился тот самый мужик в габардиновом пиджаке и зимних ботинках. На момент я опешил, глупо уставившись на него.

– Чего тут кидаешься? Делать нечего?

– Да нет, я тут это... искал кое-чего...

– А, это ты... И меня добить пришёл? – усмехнулся он.

– Да нет, – начал я, но он оборвал меня на полуслове.

– Ладно, проходи, ясно уж, зачем пришёл. Потремим немного, – его лицо вмиг стало серьёзным, он жестом позвал меня внутрь.

На удивление, в строении оказалось довольно тепло: были подрублены к розетке два обогревателя. Сам гараж был не в том запустении, в котором я думал его увидеть. На левой стене висело два шкафчика, рядом с ними была привешена полка, на которой стояли какие-то бутылки. Посредине раскорячился раскладной деревянный стол (видимо, за ним и проводили застолья местные пьяницы), справа от него стоял верстак, на котором, судя по полусгнившей крышке, заброшенной пеплом, окурками и прочим мусором, давно никто не пилил и не строгал.

– Чаю? – спросил мужик, – а то ты, я вижу, заоченел.

– Было бы неплохо, – сказал я, поживившись.

Мужик достал с дальней тумбочки маленький чайник, расставил нам по стакану и разлил заварки. Он пошёл поплотнее прикрыть дверь, когда я махом влил в себя чай. Тепло от горла разошлось по телу, а озноб пропал. Мужик сел напротив меня.

– А вы что, здесь живёте? – задал я глупый вопрос, осознав потом, что мужик такой наружности должен был иметь место жительства посерьёзнее.

– Да ты что, в этом клоповнике даже спать бы побоялся. Я, кстати, не представился, – он протянул мне плотную руку, – Алексей Михалыч Шилецкий, для друзей Шило. Для тебя – Алексей Михалыч, – я пожал ему руку. – Ты ведь Артёма Щербы сын?

– Ну да, а как вы...

– Догадался? Да ты на него как две капли воды похож. Правда, посмазливей, – Шилецкий усмехнулся и откинулся на стуле. – Да и свитер вон его нацепил. Я как тебя увидел, так сразу и подумал...

Теперь я перебил его:

– Раз вы дружили с моим отцом, то зачем на меня спустили пацанов Сани? Я видел, как вы с ним шептались тогда. Убить меня вздумали?

– Ну, во-первых, – начал толстяк, – их на тебя спустил сам Сашка, я просто сказал, что разобраться надо, вот и всё. А во-вторых, неужели ты не справился бы с этими дрищами при всех твоих боксёрских навыках?

– А, – начал я потихоньку вскипать от осознания того, сколько этот гад знает обо мне и оттого, сколько он ещё от меня скрывает, – значит, я, чтобы вас потешить, там извивался?! Да вы кто такой вообще...

Тут он стукнул рукой по столу так, что я тотчас замолк:

– А ну цыц! Вот и злость отцовская вылезает... Ты пока, мил человек, помалкивай, да меня побольше слушай, глядишь, и образумишься. Так вот, – начал он и, заметив, что я готов его слушать, поудобней развалился на стуле и достал пачку сигарет. Он протянул, предложив

мне, я резко отмахнулся. Тогда он закурил сам. – С батей твоим мы не то чтобы дружили, скажем, мы были коллегами по бизнесу. Ну ты парень смыслённый, как я погляжу, так что обстановку ту себе представляешь. Много лихих ребят было в Бресте, в Гомеле, у нас в Минске в том числе. В общем, многие из них по бандам разбились, – Шилецкий стряхнул пепел от истлевшей сигареты в кружку и, чуть призадумавшись, закурил, – самыми крупными были Морозовцы, вот твой отец с ними в связях и состоял. Человеком был значимым, факт...

Я был в смятении. Честно говоря, в мою тогда ещё совсем детскую голову не приходило, что многие заграничные и новомодные вещи, которые отец приносил с работы, были результатом его незаконной деятельности. Однако смутные предположения, что терзали меня в более сознательном возрасте, теперь окончательно подтвердились. Мой отец был бандитом.

– А... чем он... ну, как он работал? – неуверенно спросил я.

– Важно, не как, а важно, с кем. Одними из главных его коллег были здешние металлисты. Фирма у них так чудно ещё называлась...

– Эй, Шило! Открывай, родной, свои! – постучали снаружи.

– Чёрт, меня... – Шилецкий затушил бычок об стол и пошёл к двери, – сиди, я сейчас...

Он вышел из гаража, прикрыв за собой дверь. Говорил он с гостями недолго, минут пять, после чего вновь вернулся. Он выглядел взволнованным и даже немного испуганным. Достав из-под стола кожаный дипломат, Алексей Михалыч пошарил внутри, выцепил связку ключей и сказал:

– Выходим.

Мы вышли на улицу. Шилецкий достал из кармана замок и защёлкнул его на ручках гаража.

– Значит так, мне сейчас по делам надо будет отвалить, с людьми важными перетереть... Вот номер мой, – он протянул мне какую-то бумажку, – если что – на связи, всё равно скоро встретиться придётся... Ну, бывай, Артемич! – я пожал ему руку, и мы разошлись.

Вдруг он окликнул меня:

– А, кстати, насчёт молотилки своей не беспокойся – вернётся скоро!

Я молча кивнул, развернулся и зашагал в сторону тропинки, ведущей сквозь уже потемневший и сделавшийся зловещим лес.

* * *

К счастью, мне удалось выбраться из леса, не зацепив по дороге тех отморожков, что пёрлись на пустырь после рабочего дня. Минут через двадцать я уже был на подходе к своему району, вдаль виднелся кусочек парка и мост через Свислочь. Перейдя его, я взглянул на часы. Зелёный экранчик показывал без двадцати пять. Вдруг я вспомнил, что перед первым уроком закинул телефон в карман портфеля для сохранности, чтобы не сдавать учительнице, а выходя я его взять не додумался... Во избежание усиленных моральных увечий от мамы за чересчур долгое отсутствие, я быстрыми шагами, чуть ли ни бегом, понёсся домой, проскакивая развилки и переходы.

Взбежав вверх по подъездной лестнице, я приостановился у нашей двери. Чуть дёрнув ручку, я почувствовал, что она была не заперта, и тихо вошёл в квартиру. В коридоре меня уже ждала мама.

– Ну привет, ничего мне сказать не хочешь? – с серьёзным видом спросила она, скрестив руки, с опасным видом сидя на стуле у моей комнаты.

– Мам, слушай... – замямлил я, – прости, мне нужно было отойти, вот я и забыл тут...

– Ну что прости-то? Ты ведь знаешь, как у нас тут беспокойно! Я ведь тоже переживаю, хоть об этом иногда думай! – мама завелась не на шутку, вскочив со стула, я всё мялся и не знал, что ответить.

– Мам, прости, пожалуйста, я... я правда не думал, что так сильно задержусь, – соврал я, хотя прекрасно знал, что примерно до половины пятого там и проторчу, – больше такого не будет, правда!

– Конечно, не будет! В следующий раз просто домой не пушу, и иди, куда хочешь, хоть к Белому своему в гараж ночевать, раз тут тебя ничего не держит! – расстроено выпалила мама.

– Да кто сказал, что... Ладно, мам, вот, смотри, – я достал из внутреннего кармана портфеля телефон и всунул поглубже во внутренний карман куртки, – прямо сейчас торжественно заявляю, что дальше мой телефон и куртка будут неразлучны! – я демонстративно положил руку на сердце, мама слегка улыбнулась.

– Чтоб всегда мне отвечал! – пригрозила она пальцем, после чего пошла на кухню и вынесла оттуда здоровый мусорный мешок, – вот тебе штрафная, вынеси!

– Есть! – приставил я свободную руку к виску и, по-солдатски развернувшись на пятке, вышел.

На улице уже окончательно стемнело, многие люди возвращались с работы и расходились по подъездам, провожаемые хлопаньем железных дверей. Я подошёл к мусорному баку, швырнул туда мешок и зашагал обратно. Вдруг я заметил, что на лавочке возле подъезда, которая минуту назад пустовала, сидел какой-то человек в зимней куртке с капюшоном и разбитых ботинках.

– Эй, постой, гражданин! – раздался из-под одеяний хрипловатый мужской голос.

– Вы мне? – поинтересовался я.

– Держи вот, ты обронил, – он протянул мне кулёк, в который было завернуто что-то увесистое.

– С-спасибо, я как-то даже... – замешкался я, прижимая к себе свёрток.

– Ничего, – отрезал незнакомец, – домой иди, мама ждёт... Привет от Ляксея Михалыча.

Глава V.

«...В которой всё становится проще...»

Два новоиспечённых гроссмейстера сидели за узкой партой друг напротив друга. Партия, схожая с «индийской задачей», как заявил Аймо, требовала от игроков настоящего мозгового штурма. Несмотря на то что у Зили была проигрышная позиция, он продолжал бороться, то и дело теребя фигурку короля и поглядывая на пешку. Наконец Серый решился: сделав единственный доступный ход, он молча стал следить за Аймо. Тот двинул ладью.

– Шах, – Айм опёрся на локоть. Зилия ещё раз двинул фигуру, стараясь приблизиться к полю противника. – Зиль, ты уверен?

– Да, да, ходи уже, – заворчал Серёга. Айм сделал ход, оттолкнув фигуру чёрного короля Зили.

– Тогда вам мат!

– Ну само собой... – Серёга обескураженно вздохнул и пожал Айму руку.

– Ну, Аймоха, сделал ты его! – забасил Белый.

– Давай репу подставляй, peluri⁴!

Зилия подставил прыщавый лоб, Айм отогнул напряжённый средний палец и звучно щёлкнул:

– Yksi, – удар, – kaksi, – ещё удар, – kolme...

– Э-эй, жухало, какой три! Два всего! – завопил Зилия.

Его крики оборвал звонок на последний урок. К счастью, это была физкультура – наша четвёрка заблаговременно переделась и отвисала как раз на первом этаже, напротив физкультурного зала. Аймо стряхнул маленькие шахматы в пластиковый коробок и сунул в карман.

– В следующий раз в «дурака», усёк?

– Да уж, очень интеллектуальная игра! – с сарказмом ответил Аймо, заправив за уши светлые патлы.

– Ещё узнаешь, какая! Это тебе не шахматы, тут думать надо!

– Ладно, парни, пойдём, а то ещё за опоздание влетит! – поторопил я всех, и мы вместе сбежали вниз по лестнице в спортзал.

* * *

Физкультура в этот вторник прошла задорно. Даже играли мы как-то дружно, а не вразлад, как это обычно бывает, если играешь не со своими друзьями в команде. Конечно, фору нам давало то, что за нас играл Андрюха по прозвищу Курок – долговязый баскетболист, который неплохо играл и в волейбол, ловко отбивая от сетки мяч и скидывая его противникам. Однако в соседней команде в противовес Курку играл Аймо, который местами был ловчее и проворнее его, так что игра выдалась жаркая. В конце концов нам удалось закинуть финальный двадцать пятый мяч и довести общий счёт до двух и одного в нашу пользу.

После такого состязания, как только прозвенел звонок, ребята гурьбой повалили из железной двери зала, чтобы испытать освежающей воды из умывальников около столовой. Мне

⁴ Игрок (фин.)

также хотелось пить, но на этот случай я всегда носил с собой бутылку с водой, так что сразу после игры я пошёл вниз к своим вещам.

Войдя в раздевалку, я окинул взглядом лавку в поисках своего мешка из-под сменки. К счастью, мне удалось его приметить за чьими-то брюками и рубашкой. Я скинул с него чужие вещи, развязал узел и стал переодеваться.

– Ну чё, пацаны, во сколько сегодня гуляем? – спросил Белый, стягивая мокрую насквозь футболку.

– Да предлагаю сейчас и пойти, чего тянуть-то. На завтра только матеша да биология, по геометрии же контрола была... – ответил Зиля, застёгивая блестящий ремень и оправляясь.

– Ну и добре.

Зиля всунул ноги в потёртые туфли, накиннул портфель и пошёл на выход.

– Я вас там подожду, давайте резче!

– А куда это ты так торопишься? Боишься, что тебя девки обгонят? – съехидничал Белый ему вдогонку.

– Ага, как же! Это называется по-армейски собраться, слышал? За сорок секунд, пока спичка горит!

Белый ухмыльнулся, стащил со скамейки Серёгину жилетку и швырнул к нему через всю раздевалку, Зиля ловко поймал её.

– Бронежилет не забудь, солдат!

Переодевшись, мы попрощались с остальными парнями и пошли к лестнице. Достигнув общей раздевалки напротив канцелярии, мы встретили там наших девчонок.

– Вот те и по-армейски! – со смешком шепнул Белый Зиле.

– Да ты запарил! – Серёга ткнул его в бок.

Мы стали одеваться. Ленка закуталась шарфом и потянулась за курткой, Зиля снял её с крючка и галантно развернул для Ленки. Я мельком глянул на Ингу, которую мы обделили своим мужским вниманием, но та уже успела переодеться даже быстрее нас.

Мы вышли на улицу, лёгкий мороз обдал нас прохладным ветерком, что было очень кстати после физры.

– Так, ну и куда пойдём? – поинтересовался Зиля у всех. – На «кораблик» или к «Дарам»?

– Ну нет, на «кораблик» что-то не хочется, – поёжилась Инга.

– Давайте к «Дарам», тут и ближе, и спокойнее, – предложила Ленка.

– Ну что, попёрлись тогда, а то примёрзнем нахрен! – Белый первее всех соскочил с лестницы и резво крутанулся на месте.

Хлопнув школьной калиткой, мы зашагали вверх по дороге к тем самым «Дарам». Это место называли так потому, что недалеко от здешней площадки стоял огромный магазин «Дары природы». Раньше на его месте были всякие мелкие лавки, где торгаши продавали разные фрукты, овощи, соленья, мясо и прочие продукты, а из-за размеров нынешнего продуктового вообще сложилось такое ощущение, что все торговые ряды попросту перекочевали под его крышу. Разумеется, сразу после открытия в «Дарах» появились всякие ларьки с беляшами и шаурмой, что стало этому месту в плюс: можно было перекусить прямо по дороге домой, да и вдогонку прикупить всякие сухарики, чипсы или колу. В общем, место было действительно универсальное.

Пока погода благоприятствовала нашей прогулке: чуть поддувающий снежинки ветерок, сероватое, но в то же время глубокое и приятное небо с лёгкими проблесками персикового заката. Всё это создавало какую-то свою, ни с чем не сравнимую атмосферу.

Зиля с Белым о чём-то громко говорили, я прислушался.

– Серый, ну бородатый же прикол, правда: «мои познания в истории настолько велики, что я могу пофамильно назвать всех Романовых!»

– Ну, всё просто: А.К., К.А., А.Н.... – Зиля завис, видя, как Белый стукнул себя по лбу с досады.

– Да какой А.К. – К.А.?! Романовых, пофамильно!

– Ну? А, нет, подожди...

– У них фамилия «Романовы». У всех... – Белый закатил глаза.

– А-а! Да ну, фигня какая-то невнятная... – сконфузился Зия.

– Да это ты фигня невнятная! Всё ж очевидно! Ох, бл...

Наконец, мы дошли до заветной площадки. Парни и девочки покидали свои портфели на заснеженную лавочку.

– Ух, ну и снега за ночь навалило. Вон сугробище какой, – проговорил Аймо, глядя вдаль.

– А знаешь, что это значит? – ехидно спросил Белый.

– Что?

– Бой! – Юра резко выхватил из-за спины невесть откуда взявшийся снежок и запустил им в Айма. Тот почти увернулся, быстро скатал свой снежный ком и бросил в ответ, к ним подключился Зия.

Я скинул рюкзак на лавку, потянулся и ощутил во всём теле приятную лёгкость, будто бы только что свалил с себя не школьный ранец, а целый вагон с кирпичами. «Свобода, – подумал я, – наконец свобода...» Я взглянул на небо, но Ленкин голос помешал мне зависнуть.

– Эй, не спи – замёрзнешь!

– Да, да, я иду! – тут в Ленку попали снежком, она засмеялась. Её звонкий смех окончательно меня пробудил, я слепил шар покрепче и тоже вступил в снежное сражение. Инге зарядили за шиворот снегом, от неожиданности она вскрикнула «ах ты ж сабака!» и вlepила снежком в Белого, который и атаковал её сзади.

Началась настоящая снежная битва. Парни ловко взбирались на башенки и вели обстрел оттуда, девчонки звонко смеялись, бросались снегом из-за угла. Снежки летели буквально ото-всюду. Наверное, отсутствие маленьких детей на площадке было как нельзя кстати.

Зия швырнул комом в Белого, но тут же схлопотал один от Ленки. Она хихикнула, Серёга слепил снежок покрепче и швырнул в неё, потом ещё один, и ещё, а Ленка от того только смеялась. Под обстрелом Зили она шмякнулась в сугроб, тот повалился на неё.

– Ахах, всё, всё, сдаюсь!

– Получила? – с победоносной радостью сказал Зия, и они засмеялись.

Мы с Ингой активно перестреливались, когда Ленка решила выйти из игры на время. Она взошла на тот самый высоченный сугроб, на который свалил её Серый. Видно было, что она сейчас испытывала что-то похожее на то, что испытывал я, когда смотрел на небо...

– Эй, лови аптечку! – мне на голову прилетел здоровый шмак снега от Инги, она засмеялась.

– Ах ты ж жучка, ну погоди!

Я кое-как отбил, Инга под моим обстрелом куда-то ретировалась, а я залез в укрытие между лестницей и двумя горками, чтобы перевести дух.

Я снова глянул в сторону Ленки. Ветер подёргивал её каштановые, чуть отдающие рыжи-ной волосы, развевая их влево плавной волной. Укутавшись в свой бордовый шарф, она, при-подняв голову, наблюдала за нами. Будто бы статная волчица, она следила за игрой резвящихся подле неё маленьких волчат. Нет, всё-таки на волчицу она не похожа. Лиса. Она настоящая, дикая, величавая лисица. Ни от кого не зависящая и свободная...

Засмотревшись на неё, я не заметил, как Инга подобралась сбоку и вlepила в меня новым снежком. Я выскочил из-под лестницы и собирался было ответить, но тут меня опередил про-бегающий мимо Юрка. Ловким манёвром он, наверное, стремясь зацепить Ленкину куртку, чтобы снова вызвать на игру, швырнул снежный ком в её сторону. Но не рассчитал сил: сне-

жок прилетел ей прямо в непокрытую голову, в височную часть. Ленка громко ойкнула, Белый опешил.

– Ты что ж, не видишь, не играет она! – крикнула на него Инга.

– Да я ж по-дружному хотел... Лен, слышишь, прости, ты как?..

Тут на Белого, словно коршун, налетел Зиля и с размаху огрел его по голове. Удар был несильный, но его хватило, чтобы Юрка чуть пошатнулся, а шапка слетела у него с макушки.

– Зиля, hevон vittu⁵, хорош тебе! – Аймо крикнул Зиле в слабой надежде остановить его, но у Серёги уже упало забрало.

Они с Белым валялись в снегу и знатно мутузили друг друга. Юрка пытался отбиться, но Зиля лупил его часто и сильно и оттого пока одерживал верх.

Я не знал, куда мне рваться и кого спасти – Белого или Ленку. Я глянул в её сторону: от боли она обоими руками схватилась за правое ухо. Видимо, удар был серьёзный. «Ай и хрен с ними, сами разберутся...» – смекнул я и, более не раздумывая, рванул в её сторону. В два прыжка добравшись до вершины сугроба, я подскочил к Ленке поближе.

– Лен, в ухе не звенит, не глохнет?

– Н-нет... Может, немного... – я посмотрел на Ленку и увидел, что она чуть ли не плачет.

Я скинул варежки, растёр руки, сложил у её уха и стал обдувать его горячим воздухом, чтобы ослабить холод на месте удара. Сделав три-четыре подхода моей импровизированной первой помощи, я спросил у Ленки, как она себя чувствует.

– Да вроде полегче... С-спасибо тебе... – ответила она, вытирая глаза.

– Ладно, чего там. Держи вот, погрейся, – я растёр края своей шапки до теплоты и аккуратно надел Ленке на голову так, чтобы были закрыты уши. Она воспротивилась мне и хотела стянуть ушанку.

– Ты чего, заболеешь ещё! – запротестовала она, но я настоял на своём и натянул ей шапку обратно.

– Да не бойся, я закалённый, – расхрабрился я, хотя прекрасно знал, что моё слабое здоровье именно в это время года часто давало сбои. Но я почувствовал, что перед Ленкой в грязь лицом упасть не могу.

– Зиля, хорош уже, йопперный сарай! – долговязый Аймо тащил за капюшон размахивавшего кулаками Зилю подальше от Юрки.

Инга, оказавшись рядом с потасовкой и видя, что Зиля никак не уймётся, подскочила к нему ближе и дала оплеуху. Серый опешил, вероятно, впервые почувствовав на своём лице крепкий женский удар (а рука у Инги, к слову сказать, была на удивление тяжёлая, хоть и маленькая). Должный эффект это оказало – Серый вмиг пришёл в себя и перестал брыкаться.

– Я ж извиниться хотел, дурак! Чё колотишь?! – крикнул Белый Серёге, кряхтя и отряхиваясь от снега. Инга подошла к нему и помогла подняться.

– Смотри, куда дрянь свою швыряешь! – злобно ответил Зиля. Он отстранил Аймо, поднял свою сиреневую шапку и ушёл от нас на дальние качели.

– Межеумок ты лободырный! – крикнула ему вдогонку разозлившаяся Инга. Она заметила нас с Ленкой и подбежала к нам.

– Ленок, ты как, цела?

– Да, клубнично всё, хотя покалывает немного... – ответила ей Ленка.

* * *

⁵ ё... твою мать! (фин.)

Будучи натурой несложной, Белый отошёл достаточно быстро, и уже минут через пять они с Аймом начали катать большой снежный шар для снеговика. Я заметил их и тоже решил подсобить.

– Ну что, девчонки, пойдём? – предложил я.

– А, пошли! – Инга заметно оживилась.

– Лен, ты как, с нами?

– Ой, да вы идите, я тут побуду, устала я что-то... – ответила она. Её взгляд упал в сторону дальних качелей.

Мы с Ингой направились к парням на усыпанную снегом лужайку рядом с площадкой.

– Да, смачно ты ему вдарила, – поразмыслил я.

– За то успокоился, дубина, блин, – Инга по-мальчишечьи утёрла нос рукавом.

– Слушай, – заметил я, – а красиво ты, кстати, на Серёгу ругнулась! Как-то мелодично даже: «меже-думок...»

– А-хах, межеумок! – хохотнула она, – Да это так, из сказа Бажова одного... Вообще мама говорит, что талант к сквернословию у меня от папы.

– Ну, если уж ругаться, то только так же красиво!

– Как Бажов, что ли? – улыбнулась она.

– Да ну не, так поэтично только у тебя выйдет! – сказал я, она делано засмушалась.

– Ой, мерси-мерси вам!

– Всегда алибидерчи! – выдал я, Инга засмеялась.

Когда мы дошли до парней, то увидели, что у них уже готов самый большой нижний шар. Аймо выделял середину, Белый утрамбовал туловище и подошёл к нам.

– Здорово! Как там Ленка, жива? – волнительно спросил он.

– Да уж выжила, несмотря на твой выстрел, – процедила Инга, но без злобы, а, скорее, с сочувствием.

– Ой, ладно тебе, я сам перепугался, а тут ещё Серёга налетел, как оголтелый...

– Да не, нормально всё. Ты сам-то как?

– Я-то целый, хотя бок от его кулаков ещё ноет. Я это, к Ленке схожу, а то Серый мне даже извиниться не дал, вы идите вон, Айму помогите, – Белый поправил шапку и пошёл в сторону площадки, – только до конца не лепите, я придумал кой-чего! – крикнул он. Жестами мы показали, что согласны.

Мы с Ингой и Аймом быстро доделали всё туловище, оставалось только слепить голову, но для этого мы ждали Белого. К счастью, он вернулся довольно скоро.

– Ну, как там?

– Да, сидят, с Зилей трещат. Разборки-с, что тут сделаешь, – пожал плечами Юра.

Он хозяйским взглядом окинул нашу работу и, набрав побольше снега, стал лепить руки. Инга принялась за голову, а мы с Аймом трамбовали всё это художество. Уплотняя слепленную Ингой голову, я тайком глянул на качели, где был Зиля.

На соседних с ним сидела Ленка, чуть покачиваясь и теребя ногами рыхлый снег. Зиля в чём-то пытался её убедить, активно жестикулируя, но она лишь что-то холодно ему отвечала. В конце концов Ленка просто встала с качелей и отвернулась от него, что-то резко сказав в ответ на его словесный поток.

– А подсматривать нехорошо! – голос Инги заставил меня вздрогнуть.

– Да я не подсматривал, я тут это... видишь, вот... – пробубнил я, она только улыбнулась и надела на меня капюшон, чуть подтянув за верёвки.

– Не простынь смотри, герой! – сказала она и продолжила выделять пуговицы на снежном чучеле.

Нос решили сделать снежным, так как морковки ни у кого под рукой, ясное дело, не оказалось. Снеговик стоял, уперев одну руку в бок, а другую выставив в локте, как и задумывал Юрка.

Белый ещё раз оглядел наше творение. Он поводил глазами вокруг, его взгляд остановился на стоящей у забора мусорке. Подойдя к ней, он достал оттуда пустую банку «Жигулёвского» и всунул её в клешню снежному истукану.

– Вот и готов! – Белый гордо осмотрел пугало.

– Как-то неэтично... – почесал затылок Аймо.

– Зато со смыслом! – толкнула его Инга. – Мелочь будет глядеть и понимать, как алкоголь вредит здоровью!

Издали я заметил фигуру Зили, выходящего из-за горки. Он быстро дошагал до лавочки, выцепил свой ранец и, не сбавляя ход, направился вверх по дорожке в нашу сторону.

– Ты куда так? – недоумённо спросил Белый.

– Отец звонил, ждёт меня, – мрачно отрезал он и зашагал вдоль старых домов по неосвещённой тропе.

– Ну и пожалуйста, – пробубнил Белый.

– Вот что любовь-то делает... – задумчиво произнёс Аймо.

– Смотря какая любовь. Бывает, что оба кипятком от счастья, а бывает и так вот...

– Какие у вас глубокие познания! – с сарказмом произнесла Инга, – Сам-то хоть раз влюблялся?

– Да больно надо мне, – отмахнулся Белый, – я на это вон успел насмотреться. Такие вот «отношения» в пятнадцать лет – фиговая история...

– А когда ж ещё опыта-то набираться, как не сейчас? Самое время, – парировала Инга.

– Ой, какой тут опыт! У самой-то парня нет, небось!

Инга приблизилась к нему, упёрла руки в бока и сощурила светлые глаза.

– Парня у меня пока, может, и нет, да мы, девочки, побольше вашего в любви разбираемся.

– Да уж конечно... Ай! – не успел Белый продолжить, как Инга швырнула в него снежком, – Ну, щас точно отхватишь у меня! – залихватски крикнул он и, скатав шарик, запульнул им прямо в зачинщицу.

* * *

Мы ещё немного побросались снежками до наступления сумерек и решили расходиться. Я распрощался с Ингой и ребятами и, схватив свой и Ленкин портфели, направился в сторону качелей. Ленка сидела и смотрела в тёмное небо, наполнявшееся подкрадывающейся ночной мглой, её лицо ясно освещал свет фонаря.

– Лен, тут все уже по домам расходятся... – начал я.

– Ах, уже... – очнулась она, – Серёжка ушёл? – с плохо скрываемой тоской в голосе спросила она.

– Да, ему там отец звонил, кажется. Давай я провожу тебя, что ли, мне тут по пути как раз. Ленка печально вздохнула.

– Ну, пойдём.

Я накинул на левое плечо её рюкзак, и мы вместе направились по неосвещённой дорожке. Снежок немного подсыпал сверху, пытаясь добавить немного мягкости в столь резко опустившуюся на город темноту. Наша тропинка была настолько узкой, что идти рядом было достаточно трудно, потому я, уступая даме место, иногда сходил на снег.

– Как ухо, не жжёт? – поинтересовался я, шмыгнув носом.

– А, да нет, уже не чувствуется даже.

– Так, ну если ухо не чувствуешь, это беда посерьёзнее, – сказал я, шутя, она хохотнула.

– Ой-й!

– Да всё, всё, это я так...

Мы уже подходили к нашим домам. Я всё думал, как спросить у Ленки про то, что такого ей наговорил Зиля, и про то, стоит ли об их, по всей видимости, интимном разговоре, спрашивать вообще.

– Да, сегодня Серёга натворил дел... – начал я.

– И не говори. Как волчара налетел, дурак... – с каким-то оттенком стыда за него ответила Ленка.

– Ну, ты полегче его, он ведь из-за тебя Юрке морду-то набил, – попытался я защитить друга.

– И что? Моему уху ведь не это помогло. Слава богу, ты на помощь пришёл, а то ужас был бы вообще...

«Неверно ты говоришь, братишка...», – вспомнились мне мои же слова, что я в ту пятницу говорил Белому о подобной ситуации. «Чудно, однако...» – пробубнил я себе под нос, но Ленка меня услышала.

– Ты про что?

– Да я это... – начал я выкручиваться, – да Инга вот говорила, что вы, девчонки, в любовных делах лучше нас понимаете. Хотя как вообще в них можно понять, не влюбившись хоть разок?..

– Естественно, опыт всем нужен, без этого никак. А то, что мы порой больше вас о любви знаем... ну, видимо, заложено в нас что-то!

– Да уж, Зиля вот в тебя влюбился, а ты его своим врождённым опытом всё на местоставишь! – на мою подколку Ленка заметно засмушалась.

– Да никто ни в кого не влюбился, хоспаде... Мелкий он ещё головой, вот и вся любовь...

Мы миновали мой дом и уже подходили к продуктовому, рядом с которым и жила Ленка. Вскоре перед нами выросла её девятиэтажка. Мы остановились у первого подъезда, вход в который был освещён тусклой лампочкой.

– До квартиры тебя не проводить? – спросил я серьёзно, – А то сейчас поздно, мало ли кто ходит...

– Да что ты, сама дойду, всё нормально.

В самом деле, поводов для беспокойства было мало. Она жила на первом этаже, который хорошо просматривался с улицы через квадратное оконце, и судя по всему сейчас там было пусто. Я вернул Ленке портфель.

– Ты всё-таки на Зилю не сердись. Он бывает злокой, но так-то парень нормальный, просто не сдержался. Будь ты моей дамой, я бы, знаешь, тоже не сдержался! – шутливо сказал я.

Ленке в какой-то степени было приятно это слышать, но она свои чувства тщательно скрыла под маской иронии.

– О-ой, смешные вы такие... Ладно, я побегу, до завтра тогда!

Я легко пожал её нежную ручку, после чего Ленка надавила на домофоне две цифры и распахнула тяжёлую дверь.

– Да, до завтра... – сказал я, развернулся и тоже собирался было уходить, как вдруг Ленка подскочила ко мне.

– Ой, чуть не стащила! – она нахлобучила на меня шапку, мы засмеялись. Когда она поправляла на мне съехавший край ушанки, я тайком взглянул на неё. Её глаза, светло-зелёные, под светом подъездного светильника казались какими-то глубокими, с бирюзовым отливом, будто бы в каждом из них плескалось по капельке океана... На момент всё внутри замерло, но, когда наши взгляды вдруг встретились, я снова вмиг пришёл в себя.

– Ладно, до встречи! – уже более скромно и тихо сказала она и проскользнула в подъездную дверь.

Я, посмотрев в окно и убедившись, что она успешно дошла до квартиры, повернулся и пошёл к себе. «Двадцать один, – мелькнуло в голове, – номер квартиры – кнопка два и один».

Глава VI.

«...В которой наступает

момент откровений...»

Я зашёл за угол. Вмиг передо мной вырос огромный тёмный коридор, выход из которого был подсвечен тусклой лампочкой, озарявшей гладкую дверь с блестящей круглой ручкой. Сделав шаг вперёд, я скрипнул половиной доской. Поборов свое беспокойство, я зашагал вдоль тёмного холла. По всей видимости, помещение давно не ремонтировали: на потолке можно было разглядеть тёмные следы налёта, по стенам расслаивались обои, и сама обстановка намекала на то, что этим местом давно никто не занимался. Ближе к выходу мне удалось получше разглядеть пространство – я вдруг увидел, что по обеим сторонам стоят... двери. По одну стену их было две, а по другую три. Все они были закрыты, кроме, как мне показалось, крайней.

Мои шаги сделались неуверенней, по телу стала пробегать мелкая дрожь. Учítывая то, что место, по всей видимости, было лет двадцать как заброшено, мне вдруг стало страшно от предчувствия того, что могло находиться за этими пятью дверьми... Разум стал навевать все самые жуткие образы, которые я когда-либо видел, а голос в голове стал усиливаться: «Я должен дойти. Не дойти нельзя... Открой. Дойди. Открыть... открыть...» Я схватился за ручку передней двери с надписью «Гухип». Справа пахнуло холодом, скрипнула соседняя дверь. Я со всей силы рвану ручку на себя. Холод охватил тело, из двери стал доноситься нарастающий гул, переходящий в какое-то жуткое, почти звериное рычание, тьма начала обволакивать каждый сантиметр пространства. Я почувствовал, что падаю...

«Пи-би-би-бип! Пи-би-би-бип! Пи-би-би-бип!» – раздался противный звук будильника, я резко вскочил с подушки, насквозь мокрой от пота. «Вдох. Досчитать до пяти. Выдох... Вдох. Досчитать до пяти. Выдох...» Дыхание восстановилось, сердце стало биться в нормальном ритме, а голова перестала кружиться. Я был у себя дома, в своей маленькой уютной комнате, в том же две тысячи третьем году.

«Приснитесь же такое...» – я протёр глаза, окончательно пришёл в себя и стал собираться в школу.

* * *

– Одним из главных представителей романтизма в белорусской живописи в то время был Валентий Ванькович... запишите. Его картины: «Наполеон у костра...» – Ольга Павловна выводила на доске имена исторических личностей, желтоватым мелом подписывала даты и названия произведений. Большая часть класса уже втихую собирала вещи, так как звонок должен был прозвенеть с минуты на минуту, а всех творцов культуры всё равно зададут выучить по учебнику.

В течение дня я уже немного разгрузился от своего ночного кошмара. Частично я даже позабыл, про что он был. Несмотря на это, в памяти почему-то всё ещё маячило то загадочное слово – «Гухип». Поначалу мне казалось, что я где-то его уже слышал и даже не один раз, но потом, покопавшись в памяти, я остановил себя на той мысли, что это просто случайное смешение букв, а настоящее значение слова искажил сон.

– Таким образом, мы с вами переходим к архитектуре, – дребезжащий звонок с последнего урока оборвал речь учителя. – Ребята, дома запишите сами всё по архитектуре и выучите всех деятелей искусства! В пятницу у вас по ним работа! – громко сказала она и начала сама собираться, как вдруг кто-то из класса крикнул:

– Ольга Пална, а мы в пятницу историю пропустим! Мы в театр идём!

– А, забыла, точно. Тогда в понедельник! И чтобы все пришли, это будет ваша последняя самостоятельная! – все в классе одобрительно зашумели, попрощались с учителем и стали накидывать ранцы. Внезапно в класс быстро зашла Ирина Евгеньевна.

– Ребята, присядьте на минутку, – все разочарованно опустились на свои места, – вы ведь класс так и не начали наряжать. Давайте прямо сейчас и нарядите, кто сможет?

В классе начали переглядываться. Разумеется, под конец учебного дня мало у кого было желание оставаться после уроков, но все понимали, что класс рано или поздно надо нарядить. Первой руку подняла староста Катька, за ней последовали Танька Еланова, Мишка Чубень, Юра и Ленка. Неожиданно для самого себя я тоже вскинул руку. Это произошло как-то само собой, но не успел я сообразить, как Ирина Евгеньевна звонко отрезала:

– Вот и отлично, хватит!

– Ирина Евгеньевна, а где игрушки с ёлкой брать? – спросила Катька.

– У Анны Эдуардовны, на шкафу лежат. Только спросите обязательно! Остальные могут идти, всем до свидания!

Наша группа направилась к двери, мы с Юркой остановились, чтобы попрощаться с пацанами.

– Парни, вы чё, серьёзно остаётесь? Шляпа ведь полная!

– А чё ещё делать? Да и потом, почему бы не нарядить, тем более нас много, быстро справимся.

– Ну фигачьте... терпилы!

– Да иди ты! – Белый с Зилей шутливо потолкались, стукнулись кулаками на прощанье. Казалось, вчерашней потасовки между ними и не было вовсе – так легко и непринуждённо они сегодня общались. Да и долго злиться друг на друга было друзьям ни к чему.

– Давайте, до завтра!

Часть класса направилась вниз к раздевалке, а группа добровольных декораторов двинулась на пятый этаж.

Дойдя до кабинета английского, мы постучались и приоткрыли дверь.

– Анна Эдуардовна, здраст... – учителя на месте не оказалось.

– А, ну классно.

– Интересно, Ирина Евгеньевна предупредила её, что мы придём?

– Да, видно, нет, раз ушла, – заключил Мишаня.

– Подумает ещё, что украл кто...

– Да ладно, обычная ёлка, подумаешь – ценность!

– Может, позвоним ей лучше? – спросила Ленка.

– Ага, а телефон ты её знаешь? – вёжливо спросил Белый.

– Ну, нет...

– То-то! А без разрешения и я бы не отдал... Кать, поищи у себя её номер, ты ж староста.

Ленка в ожидании прислонилась головой к стеклянной дверце секретера, Катька стала копаться в телефонных номерах, а Мишаня мерил шагами класс. Я оглядел кабинет, мой взгляд остановился на учительском столе. Подойдя к нему, я выцепил из накопителя листочек и карандашом вывел надпись печатными буквами:

«Анна Эдуардовна! Коробки
с ёлкой и игрушками не пропали!

Мы их взяли, чтобы нарядить
класс! Спасибо!

8 «А»

P.S. Не ругайтесь!

После этого я отмотал немного скотча и наклеил на листок с посланием.

– Ну чё, Мишань, беги за Анной Эдуардовной!

– Вот сам и беги, умный!

– Не надо куда бежать! – я подошёл к шкафу и наклеил нашу записку на дверцу.

– Вот, видите, Паша молча всё взял и решил! А вам бы бодаться только! – ответила Инга парням.

– О, хорошо придумал! – похвалила меня Ленка, я засиял от гордости.

– Ладно, гений, подумай лучше, как нам до коробки долезть. Вон, какая верхотура... – почесал затылок Миня.

– Да тебе всё верхотура! – бросил Белый.

– Ой-ой-ой, можно подумать ты – двухметровый!

– Нам бы лесенку сюда... Миш, сбегай-ка к завхозу, спроси, – сказал я ему.

– Говорю ж, не побегу! Поел я недавно, ещё вывалится всё по пути.

– Ты же помогать вызвался! – махнул в его сторону Белый, – Вот и помогай давай!

– Ну да, но не носиться же туда-сюда, я класс наряжать хочу!

– Лентяйская морда ты! Расселся, тоже мне помощник! – проворчал Белый.

– Не, я энергию на дело коплю! – Мишаня развалился на стуле. – Она и так быстро расходуется, организм растущий.

– Да ну тебя... Пахан, дай-ка мне табурет вон тот, хоть достать до полки попробую.

Я пододвинул Юрке стул. Он взгромоздился на него, встал на носочки и попробовал достать до верхней полки. Ему не хватало буквально сантиметров двадцати. Тут я кое-что придумал.

– Юр, подвинься-ка, – я приоткрыл верхнюю дверцу шкафа так, чтобы нижний порожек полки был на уровне коленки Белого, – теперь встань сюда, я тебя подстрахую сзади.

Юрка встал одной ногой на стул, другой на полку. Схватившись руками за край дверцы, он подпрыгнул и теперь крепко стоял на деревяшке, уцепившись руками за верхний край шкафа. Он опёрся на локоть так, чтобы тот удержал его от падения, и стал скидывать нам коробки и мешки.

– Лови!

– Принял! – я опустил коробку на пол, – Миха, помогай.

Мишаня неохотно поднялся со стула. Он никак не ожидал, что Белый так резко опустит на него сверху здоровую коробку с ёлкой, поэтому, ухватив её, чуть не упал.

– Эй, аккуратней! Ещё секретер расшибёшь! – пригрозил ему Белый сверху и стал спускаться.

– Ладно, потащили это всё в класс, – я взял у низкорослого Мишани огромную белую коробку и вытиснул её в проход.

Парни взяли по коробке, а девочки прихватили мешок с мишурой. Танька и Катя помогли нам, придержав дверь в коридор.

– Дзякўю, – бросил Белый, и мы зашагали вниз, как сзади послышался игривый голос Таньки.

– Ласкаво просимо, – негромко сказала она, девчонки хохотнули.

Войдя в класс, мы встретили там Зилу, который, не обратив на нас внимания, продолжал распутывать длинный тёмно-зелёный шнур.

– О, Серёга, ты как здесь? Передумал, что ли? – спросил Белый, ставя коробки с игрушками на парту.

– Да Ирина Евгеньевна зацепила на выходе, запрягла гирлянды эти размотать. Их, походу, специально для меня заматывали... – Зиля резко дёрнул провод, но шнур замотался ещё больше, образовав на конце узел.

– Тяжёлая у тебя работа, – заметила Танька.

– Есть такое, – сокрушённо вздохнул Зиля.

– Давай помогу, – я взялся за другой конец гирлянды и стал по проводу выискивать, где он начинается.

Продев конец через петлю, я слегка ослабил натяжение узла, и дело пошло чуть легче. Пока мы с Зилей возились, девчонки уже перетасили все украшения, а Белый с Мишаней думали над тем, как открыть коробку с ёлкой.

– Нам бы острое что-нибудь... У кого-то ножницы есть?

– Сейчас, обожди, – Зиля порылся в своём ранце и достал оттуда обрамлённую металлом деревянную рукоятку. Указательным пальцем он надавил на рычажок, выкинув блестящее лезвие.

– Фига себе! – удивился Мишаня. – Да ты опасный человек!

– Отец подарил, французский, под стилет сделан, – гордо заявил Серёга.

– Да уж, ёлка, берегись! – хмыкнул Белый.

Зиля легко разрезал туго намотанный на коробку скотч, парни отогнули картонку и стали выгружать ёлку.

– Ого, дай посмотреть! – Зиля дал Ленке подержать нож. Она заинтересованно вертела его в руках.

– Что, хорош? – спросил Зиля.

– Красивый...

Глядя на Серёгино дешёвое позёрство, я в глубине души даже пожалел, что у меня с собой нет такого же ножичка или чего-то похожего, что могло произвести на Ленку впечатление.

– Серый, ну чё встал, помогай давай! – крикнул Белый, распрямляя пушистые ветви искусственного дерева.

Тем временем девчонки распаковывали пакеты со всеми праздничными украшениями. Танька с Катей раскладывали свалевшуюся мишуру, попутно переговариваясь вполголоса о каких-то девчачьих историях. Рядом с раскрытой коробкой новогодних шаров сидела Инга, поддерживая голову рукой и скучаяще катая по кривой крышке парты синий шарик.

– Ну что, тащите сюда всю эту пушнину с шарами, наряжать будем! – крикнул Белый девчонкам.

– Мих, гирлянду пока не подрубай! – сказал Зиля.

– Да я и не думал, положил просто...

– Так, мы вам собрали, вы пока ёлку наряжайте, а мы антуражем займёмся! – заявил Белый.

– Ну как скажешь! – сказала Танька, и они с Катей принялись вешать праздничные игрушки.

Инга будто бы не заметила изменившейся вокруг обстановки. Она всё так же сидела за столом, глядя в какую-то неопределённую точку. На неё это было отнюдь не похоже, и я уже думал подойти к подруге, но приметившая странное состояние Инги Ленка опередила меня.

– Инн, всё хорошо?

– Ай? Да, да, всё супер, я иду... – Инга швырнула шарик в общий ящик, заправила короткие волосы за уши и, схватив короб, подошла на помощь к девчонкам.

Мы же с парнями занимались тем, что вешали новогоднюю надпись на светильники над доской.

– Пахан, дай-ка скотча ещё...

– Вот, держи, – я отрезал кусок липкой ленты и отдал ему, – только пошире клей, а то нам на головы свалится ещё!

– Да знаю, знаю... Вы пока блестяшки клейте сюда, чтоб быстрее.

Серёга отмотал катушку и начал шинковать прозрачные кусочки скотча. Мишаня и я оклеивали серебряным дождиком белую кайму доски.

Девчонки, Танька и Катя, продолжали шептаться о чём-то своём, Ленка изредка встревала в разговор, а Инга держалась особняком, развешивая на двери заднего шкафа новогодние самоклеящиеся плакаты. Да, сплетничающие обо всякой всячине одноклассницы были для Инги не самой лучшей компанией, но она никогда не избегала с ними контакта намеренно, как сейчас. Это было не в её привычном поведении, хотя, откровенно говоря, если бы я был на месте Инги, я бы тоже долго не задерживался рядом с ними, а то можно было ненароком стать участником бесполезных и местами компрометирующих дискуссий.

– А он, короче, знаешь... – долетела речь Таньки до нас.

– Тьфу ты, блин... – Белый на момент оторвался от работы.

– Да бабы, чё ты хочешь, – также вполголоса бросил Зиля.

Юрка наконец закончил наряжать лампы и спрыгнул со стула:

– Паш, на-ка вот, отнеси девчонкам, – он дал мне оставшиеся блестяшки, остановившись взглядом на Таньке. Она сверкнула по нему карими глазами.

– А сам что, боишься? – игриво сказала она, но как-то вполголоса, так что только Белый услышал её и впал в ступор.

– Да чё ты, кого боюсь, тебя что ли?.. – попытался он отшутиться, но получилось не очень уверенно и смазанно.

– Давай дотащу, – я с улыбкой взял у друга пёстрые украшения и понёс их девчонкам.

Они приняли их и стали набрасывать на ёлку.

Ленка взяла себе гирлянду, которую мы размотали вместе с Зилей, и подошла к нам.

– Ребят, я у вас скотчу скоммунизжу?

– Да, бери вот, – Зиля отдал Ленке всю катушку, – давай помогу, я режу, ты – вешаешь.

Они подошли к желтоватой стене кабинета. Лена взяла стоящий рядом рабочий стул, который когда-то притащили с лыжной базы. Она вскочила на него, стальной табурет опасно пошатнулся. Я немного напрягся.

– Лен, тебя подстраховать? Как-то ненадёжно ты встала, – я подошёл поближе.

– Да я -то нормально... – заговорила она, но Зиля оборвал её.

– Я подстрахую, если что. Ты Белому с Михой помоги, они там это... – Серый замаялся, так как Юрка и Мишаня давно закончили и всю балагурили.

– Ага, как же, ты вон с ножом стоишь, страховщик! – сказал я и встал справа на случай потери подругой равновесия.

Первую половину Ленка заклеила до конца: гирлянда ровными волнами проходила вдоль стены. Ближе к крайней части шнура начались проблемы: Ленка никак не могла дотянуться, чтобы доклеить конец провода.

– Давай подвину, – предложил я.

– Да не надо, всё нормально... – не успела она закончить, как вдруг случилось то, чего мы за Ленкиной аккуратной работой предвидеть никак не могли: болт, закреплявший верхнюю часть стула на ножках, переломился пополам, Ленка по инерции соскользнула. Мы с Серёгой даже не успели понять, что произошло: он откинул свой стилет в сторону, я же кинулся по траектории падения, чтобы хоть немного смягчить удар собой. Неожиданно для себя я подхватил подругу, удержав от удара об парту – Ленка упала мне на грудь.

– Уф, ч-чёрт... Ты цела? – спросил я.

– Д-да, спасибо, я как-то это... разравновесилась... – она смущённо заулыбалась. Её волнистые волосы, отдающие цветочным ароматом, приятно щекотали нос. Хотелось подольше насладиться этим моментом, но нужно было помочь подруге встать.

– Выкинуть надо этот недостул, – Зия схватил железную табуретку.

– Да, а то ещё не дай бог кто навернётся! – согласилась Ленка.

– К двери пойду снесу, будем уходить – захватим, – буркнул Серый и отошёл к выходу.

– Так, – Ленка посмотрела на свисавший конец гирлянды, – доделать всё равно ведь надо.

Паш, дай-ка мне стул с того ряда...

– Э нет, не нужно нам больше падений, – остановил я её, – давай лучше я сам!

– Блин, да я справлюсь...

– Не спорь со мной! – шутливо пригрозил я.

Я взял первый попавшийся под руку стул, подставил поближе к стене и, вскочив на него, прилепил свисающий хвост.

* * *

Часам к четырём игрушки блестели и переливались с разноцветными дождичками на ёлке, на оконных стёклах красовались бумажные снежинки, а вдоль стены протягивался длинный шнур гирлянды, расстояния между волн которого были украшены праздничными безделушками. Наверное, наш класс теперь был самым красивым из всех наряженных в школе. Да и если бы это было не так, то все наши старания, пожалуй, попросту пропали зря!

Попрощавшись с друзьями, после всех трудов я шёл домой в приподнятом настроении. Несмотря на то что на улице уже темнело, в животе было пусто часов с двенадцати, Тонтту был не выгулян, а уроки не были выучены, какая-то лёгкость ощущалась на душе, будто бы меня изнутри грело что-то тёплое и бодрящее.

Зайдя в квартиру, я скинул с себя ушанку, шарф и куртку. Тонтту с радостным лаем выбежал мне навстречу. Я присел, чтобы погладить его, как вдруг заметил, что дверь в нашу антресоль была распахнута. «Интересно, с чего это мама взялась за такие глобальные разборки?» – подумал я, расшнуровывая ботинок.

– Ма-ам? – крикнул я. Из большой комнаты вышла мама в хозяйственных перчатках.

– Привет! Ну, как школа?

– Да нормально всё, класс наряжали... а ты чего такую разборку затеяла?

– Да понимаешь, у нас миксер сторел, когда я тесто мешала. Потом вспомнила, что наверху где-то запасной завалялся, ещё с бабушкиных времён. Хочу отыскать, да всё кругом хламом разным забито.

– О, ну давай вместе поищем, так ведь быстрее, – предложил я.

– А уроки как же?

– Ой, да там делать-то, всего ничего... – отмахнулся я.

– Ну смотри мне! – пригрозила мама. – Раз так, ты переоденься в то, что не жалко, а то ведь там пылица, и стаскивай вниз всё.

– Понял, сейчас...

Я залез на раскладную лестницу и всунул голову в открытые дверцы. Из антресоли потянуло запахом сырых обоев и бабушкиной квартиры, всё, как и во всех антресолях обычных хрущёвок. Я подцепил два небольших мешка с каким-то шмотьём и опустил к маме вниз.

– Вот, бери, мам.

– Ага, – она составила их к стене, где лежало немного вытащенных ею вещей.

Спустив ещё одну коробку, я немного освободил пространство и стал откапывать тот злополучный миксер с пингвинами. Мама отнесла мешавший ящик в комнату и начала разби-

рать древние пожитки. Я поднялся на одну ступеньку и залез поглубже в хлипкую трубу антресоли. Взяв скопом несколько коробок, я передвинул их ближе к себе – в них оказалось что-то стеклянное, по всей видимости, какие-то стаканы. Показалась знакомая коробка с ёлкой и мешки с украшениями.

– Мам, кажись, нет здесь миксера... – не успел я договорить, собираясь уже лезть вниз, как внезапно в тёмном углу накренилось что-то громоздкое в пакете. Оказалось, что остался ещё один мешок, в котором, скорее всего, и была та вожаделенная мешалка.

До него было трудно дотянуться самому, поэтому я решил воспользоваться ложкой для обуви. Зацепив пакет за ручки загнутым концом, я потянул его на себя и вытащил на свет. Он оказался на удивление лёгким. Развязав узел, я обнаружил, что внутри лежала... планшетная сумка. Такие или похожие носили с собой офицеры и милиционеры, патрулирующие город. На вид она была довольно потрёпанной, будто хозяин таскал её с собой везде больше десяти-пятнадцати лет: сточенная и стёртая кожа на углах, потерявшая блеск застёжка и потрескавшийся от времени ремешок выдавали приличный возраст сумки.

Я надавил на кнопку. Она поддалась, туговато выйдя из-под железной скобы. Открыв кожаный клапан, я увидел то, чего от такого артефакта, провалявшегося на антресоли, по всей видимости, с десятков лет, я никак не был готов ожидать. Колени мои подкосились, и на миг мне показалось, что я вот-вот свалюсь с лестницы... На шершавой коже чёрной ручкой была выведена надпись: «Ст Л-т Щерба. 1985 г.» Слегка покачнувшись на шаткой стремянке, я слез вниз. Когда я окончательно стащил с сумки пакет, мне удалось детальнее рассмотреть надпись при хорошем свете в коридоре. В памяти почему-то снова всплыло то загадочное слово из моего сна, о котором, я думал, уже и не вспомню – «Гухип». Что это могло значить? Просто набор букв? Но это ведь... папина сумка.

* * *

Мама вошла в комнату, победоносно держа в руках откопанную из-под груды тряпья коробку с выцветшей надписью «Метеор-2», в которой лежал тот самый миксер.

– Вот, гляди, откопали наконец-то... – она застала меня, сидящего на кровати и разглядывавшего старую планшетку, – ох, так вот где она была... Думала, там осталась, а она вот...

– Мам... ведь столько лет прошло... – тихо сказал я.

Мама присела рядом со мной. Я отщёлкнул замок на боковинке и разложил планшетку. Внутри оказались как будто только что заточенные карандаши, ручка и зелёный кусочек ластика, в отдельных колечках был закреплён небольшой перочинный ножик. Всё выглядело так, будто канцелярские принадлежности вовсе не использовались. Если бы не потёртая карта со множеством полустёртых пометок, вставленная в прозрачное отделение, можно было бы подумать, что сумку к чему-то подготовили, да так и забыли открыть.

– А ведь двадцать лет почти прошло, надо же... – задумчиво сказала мама.

Я немного покопался внутри. Там лежало, по ощущениям, множество всяких бумажек, я нащупал самую твёрдую и выцепил. Это была старая отцовская фотокарточка. На ней он был совсем ещё молодым, можно сказать, почти мальчишкой: гладко выбритый крепкий подбородок, густые тёмные волосы, светло-серые, по-доброму смотрящие глаза на улыбчивом лице. На отце была старая военная форма, похожая чем-то на афганскую. Мама взяла фотографию, чтобы лучше рассмотреть.

– Молодой был, красивый... – мама прижала её к груди, печально опустив голову.

– Мам, послушай, – я отложил в сторону планшетку, встал с кровати и присел перед мамой на колени, взяв её за руку, – я знаю, мы редко про это говорили раньше... Но я ведь до сих пор всей правды не знаю. Ты говорила, что он погиб там, в Таджикистане, но ведь... всё не так было, верно?..

– Ох, сынок...

– Может быть, у папы тёмное прошлое или вроде того, и ты не хотела меня сильно в него погружать, но... сейчас я правда готов, поверь. Прошу, не бойся, Расскажи мне о нём всё. Я обязан всё знать...

Мама какое-то время колебалась, но длилось это недолго. Видимо, она поняла серьёзность моих намерений.

– Эх... Ладно, ты прав. Лет тебе уже немало, поэтому расскажу всё, что знаю...

* * *

Про то, что отец мой, Щерба Артём Валерьевич, родился в тысяча девятьсот шестьдесят пятом году в селе Дубки, откуда потом переехал в Минск, я знал. Знал я и про то, что служил папа в воздушно-десантных войсках, где получил звание старшего лейтенанта, а после службы, вернувшись в город, спас одну девушку от уличных хулиганов. Той девушкой была моя мама. Вскоре они поженились и переехали в отцовский дом, где я и родился. Помню рассказы мамы о том, что у папы дела пошли в гору, из-за чего он должен был часто ездить в Минск решать «важные вопросы», помню многочисленные заграничные сладости, дорогие игрушки и те самые пищащие часы, которые своим будильником будят меня до сих пор. Ясно почему-то не могу вспомнить только тот день, когда папа так и не вернулся с работы, и нам с мамой пришлось продавать наш большой дом, бросать всех деревенских друзей и знакомых и переезжать в отдалённый от центра спальный район столицы... Теперь мама действительно рассказала мне всё, что помнила и знала сама.

Молодым вернулся мой отец из армии в родной Минск. Первую неделю, как положено дембелям, он кутил, гулял с друзьями, в общем, наслаждался жизнью. Всё было спокойно до того момента, пока один из его знакомых, Серёга Дербень, не поведал товарищам о том, что теперь ведёт какие-то дела на местном Комаровском рынке и имеет там большой вес. Ясное дело, в свои дела он сразу друзей не мог вовлечь, поэтому предложил им устроиться грузчиками по хорошей ставке в двести долларов. Они, само собой, согласились. Вскоре какие-то другие группировщики старого формата решили накатить на людей Серёги Дербеня, поставив ультиматум: либо они платят им дань и остаются на плаву, либо отходят от дел. Дербень попросил друзей о помощи. Они собрали свою артель из сослуживцев-вэдэвэшников и как следует прижали «стариков», спустив их со счетов и окончательно утвердившись на рынке.

Так отец впервые попал в преступный мир. С парнями они первое время крышевали ларьки, стригли деньги с незадачливых торговцев и всё в этом роде. В скором времени их бизнес потребовал развития.

После у отца закрутились какие-то дела в оружейном бизнесе, который вёлся под прикрытием торговли антиквариатом. С этого момента мама уже потеряла нить единого рассказа, так как в подробности своих дел отец её не погружал. Да и ни к чему ей это было знать?

– Помню только, что упоминал часто какого-то Яна. Не знаю, имя это или фамилия...

– Хмм... Слушай, мам, а не знаешь ли ты... вот этого человека, – я достал из блокнота визитку с номером и именем Шилецкого. Мама, вчитавшись, выхватила у меня её.

– Как? Кто тебе это дал? – воскликнула она.

– Да он же и дал...

– Где, как вы встретились?!

– Да где ж ещё, на пуст... – я чуть не проболтался, но мама, видимо, всё поняла.

– Господи... нашёл-таки...

– А с ним что не так? Постой, он что, как-то причастен к тому, что папа...

– Да нет, не в этом дело, – оборвала меня мама, – тут немного другая история. Понимаешь, – она замаялась, – после того, как папа твой пропал с концами, мы с тобой бедные остались,

совсем одни. Я всё думала, где деньги достать, чтобы жизнь заново начать, чтобы ты в школу пошёл, и было всё как у людей. Тут этот Лёша объявился, говорил, что помочь готов деньгами, ну и всё в этом роде. Но я этих бандитов с их играми, которые у меня мужа отняли, а у тебя отца, послала куда подальше. Не хотела я, чтобы ты, сынок, с ними связывался, правда. Да, видно, прошлое за нами само вернулось...

Мы сидели молча. Мама перебирала в руках карточки, я водил пальцем по планшетной застёжке.

– Мам, но послушай, – начал я, – ведь столько лет прошло... ты даже не попыталась хоть что-то выяснить, узнать что-то о папе?

Мама тяжело вздохнула, покачала головой:

– Паш, он нас с тобой бросил, понимаешь? На произвол оставил! Это я всё время думала, как нам с тобой прокормиться! Это я наш дом продала, лишь бы деньги появились, чтобы поближе к городу перебраться! Это я тебя лечила, делала с тобой уроки, разбиралась с учителями! Ты мой сын, пойми! А твоему отцу, о котором ты вдруг правду захотел узнать, дела оказались дороже, чем будущее своего ребёнка! – мама уронила голову на руки.

Я обнял её:

– Прости, пожалуйста, мам... прости, правда, я ведь не хотел...

Мама просидела так ещё немного. Потом, чуть успокоившись, она ожила.

– Ладно... всё хорошо... прости и ты, что так раскричалась. Я люблю тебя, сынок, правда, всем сердцем люблю. Не хочу, чтобы отцовская жизнь на тебе отразилась, ты ведь гораздо лучше его растёшь... Пусть так и будет дальше...

– Всё будет хорошо, мам. Всё будет хорошо... – я прильнул к ней сильнее и погладил по голове.

– Конечно, сынок... по-другому и быть не может... – стараясь окончательно прийти в себя, мама протёрла влажные от подступивших слёз глаза, ещё раз обняла меня и облегчённо вздохнула.

– Эх, ладно... пойду, что ли, миксер запущу, а то тесто уж засохло, наверное...

Она встала и ушла на кухню. Я тайком сложил фотографию папы и брошенную мамой визитку в сумку и убрал её подальше за шкаф.

Глава VII.

«... В которой всё идёт

своим чередом...»

В кабинете труда стоял гул: часть ребят работала за станками, некоторые что-то чертили в тетрадах, облокотившись о край парты, кто-то сметал с верстака накопившиеся от шлифовки деревянных цилиндров горы стружки.

Усатый Михал Василич, не обращая внимание на перманентное гудение машин, сидел за столом, по привычке подперев висок двумя пальцами и читая какую-то газетёнку. Попивая настоявшийся за целый день прегорький чёрный чай, он спокойно сидел на своём мягком стуле и то и дело поправлял съезжавшие на строгий нос квадратные очки.

Он работал в нашей школе уже достаточно давно, скорее всего, ещё с самого её основания, однако за всё это время он так и не смог добиться нормального положения в учительском коллективе. Напротив, все считали его немного странноватым: говорил он всегда как-то тихо и невнятно, жуя слова, будто хотел, чтобы все от него поскорее отстали. Из-за этого на уроках его было практически невозможно слушать: он, конечно, пытался специально для нас говорить погромче, но это приводило не к улучшению качества речи, а лишь к усилению звука старческого гундежа, лившегося из-под его рыжих усов. Чаще всего мы на его уроках не мастерили и не строга́ли, а записывали многотомную технику безопасности, которую нужно было заучивать слово в слово и пересказывать на оценку. Ясное дело, что это портило многим четвертные, но, слава богу, ниже тройки оценки по его предмету опускались редко. Хотя всякое бывало.

Своих учеников он почему-то недолюбливал. Не знаю насчёт остальных классов, но нашим ребятам доставалось даже за малейшие косяки: если не до конца была заточена ножовка, или ты не мог спилить вросший сучок, или разошедшаяся заготовка раскалывалась прямо в руках, Михал Василич мог порой устроить целую сцену. Один раз мне попался хреново заточенный рубанок (заточка которых, кстати, должна была де-факто находиться в ведомости самого Михал Василича для безопасности учеников), и, когда я стал им строгать, заготовленная деревяшка начала портиться и неровно стачиваться. Я попытался переложить её, но и тогда ничего не вышло, а из-за того, что я стал рубать против волокон, откололся здоровый кусок, который расцарапал мне руку. На это обратил внимание Михал Василич и подошёл ко мне, но не для того, чтобы оказать помощь, а для того, чтобы резко выхватить рубанок, стукнуть им об верстак, начертать на листке стрелку и выпалить на весь класс: «Направление движения понятно?! Вот и рубай, бездельник!» Я тогда ещё был в пятом классе и до слёз расстроился, равно как и все, кому приходилось терпеть такое от трудовика, но теперь мы уже спокойно относились к таким его выпадам.

Белый доточил на станке деталь и вырубил гудящий мотор. Сняв с трезубца аккуратно выточенный деревянный стакан-вазочку, он стал дошлифовывать его наждаком вручную.

– Юр, слушай, у тебя лишней шкурки нет? – спросил у него белобрысый верзила Генка.

– Ась? Не, нету. Спроси, может, у Михал Василича найдётся.

Генка подошёл к трудовику, который при появлении ученика даже не переменял своей позы.

– Михал Василич, у вас шкурки не найдётся?

– Шо? – спросил он, сощутив сероватые глаза.

– Шкурки у вас не найдётся?

– Шкурки? Шкурка, товарищ Гойда, у вас на четвёртой точке, а на трудах это называется наждачной бумагой! – язвительно сказал Михал Василич, ребята в классе это слышали, и по кабинету прокатился смешок.

– Извиняюсь, был не в курсе... – в деланном смятении басом выдал Генка, все в классе снова засмеялись, – значит, найдётся шкурка? Наждачная бумага, то есть?

– Тьфу ты... возьми поди, в ящике вон, – трудовик махнул на деревянную коробку в конце класса, массивный Генка направился к ней.

– Спасибо большое! – громко сказал он.

– Давай, работай! Бездельник... – нервно проворчал Михал Василич и снова уселся за газету, поправив очки.

Я доточил свой стакан, поставил на верстак и стал сметать в совок мелкую стружку. Убравши все окончательно, я уложил учебник и пенал в портфель, взял тетрадь с технической картой и дневник и направился к кафедре продемонстрировать свою работу трудовику.

– Михал Василич, я всё, закончил.

– Угу... Давайте техкарту... – пробормотал он, даже не обратив внимание на выточенную мной деталь. Я поставил поделку на стол перед ним.

– Так, ну что ж... угу... – он поводил желтоватым пальцем по усам, – тут всё понятно...

– Там чертёж на другой странице, вот, – я указал на соседний лист. Михал Василич, достав откуда-то из-под стола деревянную короткую линейку, стал дотошно измерять выточенную мной вазочку. «Ну всё, – подумал я, – зря сказал, сейчас придерётся к какой-нибудь фигне...»

Тем временем за мной очередью выстроились Белый, Аймо и Мишаня. Краем глаза я глянул на Юркину работу: он даже успел немного раскрасить свой точёный стаканчик теми карандашами, что нашёл в пенале. «Точно пятёрку получит», – подумал я.

– Здесь вот... в техкарте у вас ошибка, пункта одного недостаёт, да... деталь нормальная, правда вот... – трудовик снова приложил свою линейку, – просчёт на сантиметр допустил. Четыре-четыре поставлю, нормально, – как будто сам для себя подытожил Михал Василич, я протянул ему дневник. Он вывел две оценки и размашисто расписался.

– Спасибо, – бросил я и пошёл обратно к парте.

Зиля доточил свой стакан на станке, показал учителю, и мы стали собираться, отряхивая щёткой пропитанные древесной пылью халаты.

– Пахан, отряхни-ка меня сзади! – сказал Серёга. Я очистил щёткой его форму.

– Давай ты меня теперь.

Серый прошёлся по задней части моего халата и аккуратно стряхнул все в ящик с мусором.

Тут наконец прозвенел долгожданный звонок, который на первом этаже было слышно особенно хорошо.

– Ребята, – гнусаво начал Михал Василич, – те, кто не закончил, доделывают на следующем уроке. Все выходите в коридор.

Мы вышли из мастерской подышать свежим воздухом близ столовки. Судя по запаху, сегодня на завтрак должна была быть рисовая каша. Часть пацанов уселась на стол, мы вчетвером развалились на скамейке.

– Эх, шамать охота... – вздохнул Белый.

– Да, вот бы сейчас девки шо-нить вкусное сделали, – подумал вслух Зиля, как вдруг я заметил силуэт Катьки, которая вышла из-за угла и с другого конца коридора прокричала нам:

– Мальчики, идите сырники есть! А то остынут!

– О, ты глядзі-ка! Вспомнишь солнце – вот и лучик, – оживился Белый.

Мы всей мальчишеской ратью поднялись со своих мест и зашагали вдоль школьных раз-девалок к классу девчачьих трудов. Когда мы зашли в кабинет, нос защекотал нежный запах жаренного творога и свежего чая.

– Так, мальчики, принимайте работу! Мойте руки и садитесь все, рассаживайтесь, – Елена Анатольевна пригласила нас за парты, на которых были расставлены стаканчики с чаем и одноразовые тарелки с золотистыми творожными кружляшками. Посредине стояли миски со сметаной, сгущёнкой и каким-то вареньем.

Я первым встал за рукомойник, смыл с рук всё то, что мешало приёму пищи, и уселся за стол. Подцепив вилкой сырник, я обмакнул его в сметану и направил в рот. Он был слегка подсушенным, но тогда мне казался просто верхом блаженства.

– Блин, девчонки, прям очень вкусно, спасибо, – сказал я, с наслаждением дожевав и под-няв глаза на девчат. Взгляд предательски остановился на Ленке, я постарался переключиться на еду.

– Вообще отлично, в столовку больше ходить не будем, только к вам, – сказал Зиля, девчонки хохотнули.

Парни шумно уплетали за обе щёки, попутно переговариваясь с набитыми ртами:

– Я ему такой: «Да как же нет, когда вот оно, под задачей!» А он всё на своём, чёрт лысый...

– Да дундук он старый, господи...

– Я те говорю, поиграй в «Макса Пэйна», вторая часть вышла – ваще класс...

– Да не, я пока в «Калду» гоняю, потом как-нибудь...

– Парни, сметанки передайте!..

– Блин, Миха, аккуратней!

– А чё ты под рукой вертишься?

Мы с аппетитом принимали наш вкусный второй завтрак, девчонки стояли в стороне и перешёптывались на свои темы.

Вдоволь наевшись, я слегка откинулся на стуле и сунул руки в карманы халата. В одном из них я нащупал какую-то деревяшку – это оказался тот самый стаканчик, что я выточил на уроке. Наверное, случайно положил, когда выходили из класса...

Тем временем приближался звонок на следующий урок труда. Парни уже выносили свои одноразовые тарелки и вилки на помойку, благодарили девчонок за вкусную еду. Швырнув свою тарелку в мусорный бак, я собрался и подошёл к Ленке.

– Лен, эт самое... Спасибо огромное, вот, в знак того, что всё было вкусно, от сердца и почек, как говорится, – я слегка обтёр своё творение об ладонь и протянул ей.

– О, блин, спасибо... Это под карандаши, да?

– Ну вроде того, только это... аккуратнее, он на один сантиметр сточен! – шутливо пре-дупредил я, она улыбнулась.

– А-хах, хорошо, спасибо! – она по-дружески приобняла меня.

– Да ладно, чего там, вам спасибо! – сказал я, а сам подумал: «кому вам, я же ей дарил, дурак, блин... ещё подумает, чего...»

* * *

Мы с парнями прогуливались по музею на четвёртом этаже в ожидании звонка на урок химии. На большой перемене здесь даже многолюднее, чем на пятом этаже.

– Эх, хорошо поели сегодня, – сказал Аймо, потягиваясь.

– Да, эт факт, – поддакнул Белый.

– Слушайте, парни, – к нам подошёл Ашот, – вы химию сделали?

– Ну допустим, – с прищуром сказал Белый, – а тебе-то что?

– Блин, Юран, дай списать по-братски, – вполголоса сказал Ашот.

– А, ну ясно. Ладно, обожди, – он влез в портфель, достал оттуда синюю тетрадь и раскрыл на нужной странице, – вот, только не точь-в-точь, а то ещё мне попадёт!

– Блин, от души, брат! – Ашот взял у него тетрадь и отошёл к стеклянной витрине, на которой удобно можно было писать.

– Вот шаромыжник, а, – сказал Аймо.

– Зря ты так, Юр, – бросил Зиля.

– Ой, да подумаешь. Тем более, это ж Ашот, что с него взять-то, а мне трёх номеров не жалко, тем более по химии.

– Ну, дело твоё, я бы комиссию брал, – сказал Аймо.

– Это как?

– Ну вот смотри: сделал ты пять заданий, а ему даёшь только три списать. Так училка, если запалит, то за схожие ошибки не придерётся, ведь он два номера либо у другого скатает, либо сам херово сделает.

– Хмм, интересно... А если я всё правильно сделал?

– Так ведь вообще класс, ещё и оценку лучше получишь, – подметил Аймо.

– Ничего идея, правда, – согласился Зиля.

Пока мы болтали, к Ашоту медленно приблизилась фигура географа, Ильи Юрьевича. По какой-то причине он всегда считал своим долгом блюсти тишину и порядок на этом этаже, исполняя роль добровольного дежурного. Вот и теперь, заметив, что Ашот занимается чем-то подозрительным, да ещё и на витрине музея, он подошёл к нему, скрестив руки на груди.

– Ох, кажись, попался... – шепнул Белый.

– А-ашот, – громко сказал географ, – а что это ты тут делаешь?

– Ну так это... списываю... – дурацкая ухмылка расплзлась по его лицу.

– Ой дурак... – стукнул по лбу Белый.

– Тьфу ты, блин...

– Юр, как бы тебе ещё не влетело, – сказал Зиля.

Илья Юрьевич повёл Ашота к Гаяне Юрьевне чуть ли не за шиворот. Та внимательно выслушала его показания, покивала головой и, видимо, дав понять, что разберётся, спровадила вездесущего географа.

– Ладно, авось пронесёт ещё, – печально вздохнул Белый, – вроде меня пока не зовёт...

В противоположной стороне рекреации мы увидели группу девятиклассников из трёх стриженных парней, вразвалочку шедших по коридору. Один из них скользнул взглядом по нам и тут же его отвёл.

– Вот они, собаки... – пробубнил Зиля.

– Да уж, хорошо хоть Сани с ними нет. Кстати, что-то давно его не видно.

– Подольше бы его рожу не видеть, – сказал Зиля.

– Не боишься, что мстить будут? – спросил Аймо.

– Не будут, – отрезал я.

– Ну ты тоже не зарекайся, ты их главного угандошил, теперь с ними ухо в остро держать нужно, – проговорил Белый.

– Да пусть только сунутся! Мы их всех порешим! – оскалил Зиля уголком рта свой белый клык и щёлкнул костяшками.

Скоро должен был быть звонок, поэтому мы зашли в класс. Белый, присев на место, развернулся к Ашоту, который сидел позади.

– Гони тетрадь давай! Живо!

– В-вот, бери...

Юрка выхватил у него свою собственность.

– Ты что ж там географу сморозил? Я чуть не попал из-за тебя! Дурень!

– Блин, прости, просто пересрал там... он так подошёл... – замямлил Ашот.

– Пересёрыш, мать твою! Тьфу, – уже скорее разочарованно, чем злобно, бросил Белый, после чего развернулся обратно.

Я поставил свой рюкзак на парту и стал раскладывать всё к уроку. Вдруг из-за двери показалась Инга. Скользя взглядом по классу, она нашла меня и коротким кивком поманила в коридор. Ничего такого в этом не было, но по какой-то причине я напрягся. Наверное, чем-то тревожным повеяло от её настроения. Бросив всё на парте в таком состоянии, как есть, я вышел наружу.

– Чего случилось? – спросил я.

– Паш, слушай, ты ведь после побоища сразу домой пошёл? Больше туда не возвращался в тот день? – серьёзно спросила она.

– Да нет, в тачку сел и с парнями уехали... А что такое?

Инга нервно вздохнула и огляделась по сторонам, как будто боялась, что кто-то посторонний может нас услышать.

– Чего случилось-то?

– Просто... Саня дома уже много дней не ночевал. Мы сначала значения этому не придали: подумаешь, загулялся со своими этими... обычное дело. Потом стали переживать. Позвонили друзьям его, спросили, что да как, а они сказали, что Санёк только ночь у них пробыл, а потом пропал куда-то, больше они его не видели. Тогда мы в милицию позвонили, выхода другого не оставалось...

– И что?

– Они весь район прочесали, вдоль Шабанов прошли, всех на уши подняли, кто там был. Понятых даже нашли, дядек каких-то здоровых...

– А в чём понятых-то? Говори уже, не тани! – занервничал я, чувствуя, как Инга оттягивает какой-то неприятный момент.

– Они до хибары той дошли, оттуда спустились вниз, в овраг...

– Ну и?

– Нашли его, в общем... – тяжело вздохнула Инга. От плохого предчувствия у меня по спине пробежал холодок.

– Ну, и где?

– У речки, что рядом с пустырьём. В канаве лежал. С дырявым животом, – от этих слов у меня в горле встал ком. Теперь я осознал, отчего Инга так странно вела себя всё это время...

– П...дец... Как же... а кто?.. – промямлил я.

– Не знают пока... Дядьки те говорят, что пацана видели какого-то в синем спортивном костюме с полосками, – я почувствовал, как меня начинает накрывать волной страха. Перед глазами всё поплыло, казалось, что какая-то сила постепенно связывает всё внутри в плотный моток горячих гнилых верёвок, который норовит вылезти наружу.

– Ч-чёрт... – я схватился за голову, почувствовал, как подкашиваются ноги и прислонился к стене.

– Паша, дорогой, послушай... Прошу тебя, будь осторожной... Не светись сейчас нигде, никуда не ходи, ничего не делай, – она взялась за мою руку, – не хватало ещё, чтобы тебя так же, как... – она отвела взволнованный взгляд.

– Что?..

– Нет, нет, не надо, – будто бы отогнала она какое-то наваждение, – просто прошу, будь аккуратнее! И всё будет хорошо, – Инга посмотрела на меня то ли с состраданием, то ли с какой-то надеждой. Она почувствовала, что меня слегка потряхивает, и крепче взяла мою ладонь.

– Ладно, с-спасибо тебе...

– Всё будет хорошо, – сказала она ещё раз, глядя на меня.

Тут наш разговор прервался звонком. Мы вошли в кабинет и сели по своим местам, Гаяне Юрьевна уже собиралась начать урок, как вдруг в класс зашла Ирина Евгеньевна.

– Ребята, здравствуйте. Хочу с вами немного поговорить...

* * *

Все расселись по своим местам, Генка захлопнул дверь и опустился за парту. Ирина Евгеньевна встала перед кафедрой.

– Дети, я хочу вам сказать кое-что очень важное... Вы ещё совсем молодые, жизнь у вас только начинается. Я верю в то, что впереди у каждого из вас светлое будущее, что у вас получится воплотить в жизнь всё, что вы запланировали. Поэтому я вас прошу: будьте осторожны на улице, не связывайтесь с разными хулиганскими сворами! Берут на слабо – не поддавайтесь, что бы они вам ни говорили, – Ирина Евгеньевна скользнула по мне взглядом, страх закололся у самого горла.

– А что случилось? – спросила Катька.

– Дело в том... что у нас в школе произошла трагедия... Кто-нибудь из вас знает Сашу Родовича, из девятого «А»?

– Да, конечно...

– Ещё бы не знать...

– Слыхали.

– Тогда вы в курсе, что он и ещё некоторые ребята из его класса водились с плохой компанией из соседней школы. Так вот, вчера вечером его нашли... убитым, – в классе повисла гробовая тишина.

– А кто это сделал? – тихо спросили с «камчатки».

– Пока милиция расследует, так что ещё неизвестно. Дети мои... вы все прекрасно понимаете, что вне школы, на улицах, происходят разные ситуации, которые порой могут быть очень опасны для жизни. Но и из них тоже нужно уметь выходить целым и невредимым. Мир устроен так, что не все люди желают вам добра, но с ними тоже нужно уметь находить контакт. По-другому никак... К вам на урок я пригласила одного человека, – Ирина Евгеньевна посмотрела на заднюю парту первого ряда, на которой, как оказалось, всё это время сидел крепкий мужчина лет сорока в милицейской форме, – Владимир Евгеньевич, прошу.

– Да, конечно, сейчас, – он поднялся с места, нацепил фуражку и вышел к кафедре, заняв место рядом с Ириной Евгеньевной, та слегка двинулась в сторону. Вмиг окинув взглядом зеленовато-серых глаз всех ребят, он тотчас сменил строгое положение бровей на более дружелюбное.

– Здравствуйтесь, ребята! Разрешите представиться, Владимир Евгеньевич Хатульский, инспектор по делам несовершеннолетних. Как уже сказала Ирина Евгеньевна, ученик вашей школы, Родович Александр Яношевич, в ходе оперативно-розыскных мероприятий был найден убитым близ района Шабаны, около микрорайона Серебрянки... Со слов вашей учительницы я понимаю, что он был не самым хорошим и прилежным мальчиком, но знаете, дети... Несмотря на это и его жизнь – это большая потеря, огромная утрата для его матери, сестры, да и для семьи в целом. Он был хулиганом, как и многие другие ребята, которые с ним общались, это факт. Но ведь не родились же они все такими, верно?

– Да, наверное.

– Может быть, – поддакнули в классе.

– Вот, в том-то и дело. Быть может, на уроках обществознания вы уже слышали подобный вопрос: «бытие определяет наше сознание или сознание – наше бытие?» Иными словами, мы находим наше окружение или наше окружение находит нас? Кто за первое? – спросил он. Чуть

больше половины класса подняли руки. – Ну а за второе? – и на этот раз ответило примерно столько же.

– Знаете, хорошо, что многие уже более-менее определили для себя ответ на этот вопрос. Штука в том, что верны оба ответа. Не буду вас утомлять глубокими рассуждениями, скажу только то, что человек, ставший бандитом, часто начинает свою дорогу ещё с малолетства, при-
мыкая к разным группировкам. На это его могут сподвигнуть разные факторы: тяжелые отношения со сверстниками во дворе и школе, проблемы в семье, недопонимание со стороны родных. В так называемом «пришивании» к группировкам такие трудные подростки ищут защиты. Они стараются найти тех людей, которые будут с ними на одной волне, которые будут их уважать, с которыми им будет не так тяжело. Однако, если человек начинает крутиться в криминальном мире с малых лет, его окружение постепенно начинает определять его сознание и формировать в нём те устои, которые негативно отразятся уже на будущем. А если фундамент плох, то и всё здание может рухнуть... Понимаете, о чём я?

– Да!

– Да, естественно.

– Конечно!

– Всё ж ясно, чё.

– Вот так. Маленький хулиган – есть большой бандит, – по ходу монолога Хатульский иллюстрировал разные моменты из речи и делал пометки на доске, – так оно всегда было. А бандиты, как известно, ничем хорошим не заканчивают, тому есть много примеров, вот, допустим...

Видно было, что ребята в классе, широко раскрыв глаза, внимали каждому его слову. Он рассуждал доступно, просто, и, хотя иногда вставлял различные термины, подводил всё сказанное так, чтобы мысли были максимально понятны каждому. Я имел мало опыта общения с людьми из милиции, но в тот день мне показалось, что Владимир Евгеньевич был далеко не рядовым инспектором. Он имел очень хороший слог, ясно доносил до нас то, что ему нужно было донести. Каждый из класса, кто задавал вопрос, получал на него исчерпывающий ответ, сухой и по существу – ничего лишнего этот человек не говорил. Он раскладывал всё сказанное по полочкам, получая полное согласие со своими тезисами со стороны класса, что обеспечивало стойкий интерес ребят к его монологу.

Слушая речь Хатульского, то, как он, пользуясь довольно логичными доводами, давал нам понять, что бандитизм и хулиганство должны быть искоренены как общественное явление, потому как и то, и то является дорогой к маргинальному положению и «разложению общества». Многие ребята уже тогда, казалось, были готовы взяться за винтовки, надеть уставные фуражки и грудью идти на борьбу с преступностью.

– Криминал, дети, есть одна из самых гадких и жестоких вещей в этом мире. Что уж говорить, это в чистом виде большое насилие над человеком и его достоинством...

– Владимир Евгенич! – Зиля поднял руку.

– Да-да?

– Скажите, а ведь правоохранительные органы, выходит, принуждают людей правила исполнять? Ну, законы там, статьи?

– Да, конечно, по-другому у нас порядок не построить.

– А это разве не насилие?

– Понимаешь ли... – дребезжащий школьный звонок оборвал ответ следователя, – ой, многовато что-то я от урока взял, Ирина Евгеньевна... – он стеснительно улыбнулся.

– Да ничего, ничего, что вы! Всё очень по делу, – успокоила она Хатульского, – спасибо вам огромное, Владимир Евгенич!

Все в классе одобряюще захлопали.

– Да что уж, просто делаю работу, только и всего! Ирина Евгеньевна... Ребят, спасибо вам огромное, был рад знакомству! – все поблагодарили его в ответ. – Да, Ирина Евгеньевна, хотел с вами ещё кое о чём поговорить... – он подошёл к ней и увёл куда-то в конец класса.

Мы с парнями скоро собрали вещи и вышли в коридор.

– Вот и урок профилонили, кайфуха!

– Да ты чё, Зиль, вон мужик какой мощный, милиционер...

– Дядька много по делу сказал, это верно, – подхватил Юрку Аймо.

– Да, справедливый мент. Кабы нас с вами не загрёб, конечно... – поразмыслил я вслух.

– Ой, не переживай так, образуется ещё. У тебя ж алиби, всё такое, мы подтвердим, если надо.

– Да им, Юрка, алиби не нужно, чтоб нас закрыть. Так работали, так всегда будут работать, – заключил Зилья. На пару-тройку секунд между нами повисла немая пауза.

– Ох, напрягаешь ты, Серый, воздух, всегда ты такой!

– А чё я-то, я ничё!

– Да уж, конечно, как обычно, – постепенно наша с парнями беседа приобрела более непринуждённую форму, потом перескочила на видеоигры, потом на выходные планы, а с началом следующего урока и вовсе растаяла.

* * *

Дверь кабинета английского распахнулась, мы с парнями, попрощавшись с учителем, наконец вышли в коридор.

– Ох и душно там, братцы, я аж взмок весь.

– И не говори, кабинет-то большой, а радиаторы жёсть, как шпарят...

Растворив скрипучие двери, Зилья запрыгнул на перила и лихо скатился вниз по лестнице. Приземлившись, так же лихо притопнул на месте.

– Чего гарцуешь?

– Да засиделся сиднем, попрыгать хочется. Эх, морду, что ль, пойти набить кому...

– Успеешь, ещё Масленица впереди, небось махаться пойдёте, как в том году, – подметил Аймо.

– Да, скорее бы, Димка Пятак вот придёт, я ему пятак и начищу...

– Как бы он те второй фонарь не повесил, будешь нам, как маяк, светить! – шуткнул Белый, мы засмеялись.

Не заметив, как достигли раздевалки, мы побросали портфели и стали снаряжаться домой.

– Ну чё, какие планы?

– Да фиг знает, у меня сегодня репер по русскому занятию перенёс на вечер, так что не выйду.

– Айм, ты как?

– Да как обычно, там деду ещё за лекарствами сгонять надо...

Из дверей вышли девчонки. Взгляд по привычке выцепил фигуру Ленки: лёгкую, стройную, будто бы не шагающую по школьному кафелю, а легко плывущую в воздухе. Её рыжеватые волосы густой волной обрамляли тонкую шею и плечи, бирюзовые глаза всё так же сверкали откуда-то изнутри, иногда смеялись чьей-то шутейке, тогда Ленка заливалась обаятельным смехом, улыбка с небольшими ямочками делала её лицо каким-то добрым, родным и приветливым, близким...

– А, ну ясно. У тебя чё, Щербет? Пахан?

– Ась?

– Х...ясь, – бросил Зиля (видно, заметил, куда всё это время падал мой взгляд), – говорю, какие планы?

– Да так, книжку думал дочитать, – сказал я достаточно громко, чтобы Ленка тоже могла меня услышать, – а то за делами никак не успеваю...

– Етить интеллигент выискался, ишь ты! – с издёвкой сказал Зиля.

– А чё, я хоть книжку иногда в руки беру, а не в «Контру» рублюсь до темна!

– Я там по часам скоро рекорд набью!

– Да оно и видно, геймёр! – «гэкнул» я, Зиля продолжил копаться в вещах.

Откуда-то из-за угла показалась фигура Катьки Каражановой, голосом бдящей за всем училинкой староста окликнула нас:

– Ребята, зайдите к Ирине Евгеньевне!

– А? Да, щас... – мы бросили переодевание и почти что полным составом восьмого «А» направились в канцелярию.

Мы зашли в кабинет, парни встали рядом, я оказался впереди класса. За столом сидела Ирина Евгеньевна, а поодаль от неё, на другом конце, – Владимир Евгеньевич, копаясь в своих бумажках.

– Ирина Евгеньевна, здрасьте, Владимир Евгенич... хотели видеть?

– Да, привет, ребят. Всё хорошо, вы ничего на натворили, просто разговор есть деловой...

– Ну слава богу, – выдохнул кто-то из толпы.

– Мы тут с Владимиром Евгеньевичем поговорили, – наклонилась она поближе к нам, – я ему немного про вас рассказала, и у нас идея появилась. Вернее, у меня. Знаете, лет десять назад у меня был класс один, крепкий такой, почти как вы, хорошо его помню ещё... Так вот, у нас с ребятами была очень интересная система дежурства. Суть в том, что класс был поделен на такие комитеты, которые за порядком должны были следить, всего их было три: «комитет внутренней безопасности», самый массовый, который за отношениями в классе следил и другими школьными делами, чтоб разборок среди одноклассников не было, «комитет чистоты и порядка», понятно, для чего создан, и «комитет дат»...

– Как кадеты?

– Мы их комдатами звали. Они мне помогали разные праздники устраивать, концерты юбилейные, всё в таком духе. Задумка сначала хорошо работала, но скоро проблемы начались в «комитете чистоты и порядка»...

– А чего они, полы драить не захотели? – шутканул Илюха Зимин.

– Да вроде того, – чуть улыбнулась классная, – сказали, что этим уборщицы должны заниматься, которым школа платит.

– Вообще по факту, – бросил Курок, его толкнули кулаком в бочину.

– Да, наверное, правильно поступили... потом «комитет дат» стал отлынивать ближе к старшей школе – видимо, большую нагрузку я им дала, а «комитет безопасности» как-то сам собой распался: кто к хулиганам примкнул, кто просто не захотел дальше идти.

– Обидно вышло.

– Не то слово...

– Да уж...

– Верно. Много лет уже прошло, у меня и класс теперь другой, и ребята другие стали, я вот и хотела вам предложить такую мысль: сделать что-то похожее, только уже без «комитета чистоты» этого, а с двумя другими – «внутренней безопасности» и «комитетом дат». Так и в классе порядок станет, и концерты устраивать будем, вы же у меня в этом деле талантливые, правильно? Ну как, согласны?

Класс зашумел, обсуждая новую идею. Кто-то сомневался, кто-то высказывал недовольство, кому-то было просто наплевать, кто-то уже почти согласился.

– Ну дела, вот так проект...

- А чё такого, нормально ведь, порядок наведём, обезопасимся.
- От кого, от группировщиков что ли? Да они нас, как Тузик грелку, раз – и всё! Кто мы, а кто они?
- Да не, мы им жару зададим, у нас вон – Владимир Евгенич за главного будет!
- А что, вариант, кстати...
- Ирина Евгеньевна, а те, что за внутренней безопасностью следят, – как у них всё устроено, что они контролировать вообще могут? – спросил я учительницу.
- Ну, изначально, под контролем был только наш класс. Для всей школы нас просто не хватило бы, да и ребят, готовых со всем этим бороться, тогда мало набралось... Время-то было какое, в школе хулиганов разжилось много, потому всё и распалось.
- Ну, а если, скажем, в будущем мы ребят побольше наберём, даже из других классов? Чтoб нас было не четверо, а, скажем, восемь или девять?
- Да, и в каждом комитете так, чтоб народу больше работало! – подхватил Белый.
- Чего, кого четверо, нас, что ли? Нахрена... – опомнился Зиля от разговора с Ленкой.
- Да, можно, почему бы нет... В общем, вы за? – оживилась классная.
- Ну, не знаю... парни, вы как?
- Я за, пожалуй, – вышел вперёд Белый.
- Я тоже. Пора уже хоть как-то отпор дать, не всё же сидеть на месте, – подошёл Аймо.
- Зиля? – окликнул я друга.
- Ну и я с вами вместе, куда мне деваться, – грустно усмехнулся он.
- Ну, Владимир Евгенич, какие ребята у меня! Золото!
- Да, богатыри, не то слово! – улыбнулся Хатульский кошачьими глазами.
- А мы с девчонками моими тогда по соседству, в комдаты пойдём, – вышел вперёд калмыковатый, эксцентричный коренастый выскочка Федька Цемрашал, улыбнулся смуглым уголком рта.
- Какими твоими, дурак, блин... – вышла с ним вместе хитровато улыбающаяся Аня Бабенко, за ней подошла Катька, Полина Ананьева, Варька с Дашей и Танька Еланова.
- Ну, вот и ребят много, это хорошо! Да, вполне себе... – Хатульский написал что-то в свою записную книжку, набитую всякими мелкими бумажками.

* * *

Лёгкий ветерок трепал ветки зимних деревьев, сбивая невесомый снежок и отправляя его в свободное плавание по воздуху. Облака ровно стелились по городскому небу, пушистым одеялом накрывая тихий зимний день, переходящий в такой же спокойный вечер.

Мы с ребятами шли вдоль дороги, болтая про всякую всячину.

- Да, сегодня хоть день поинтересней, чем обычно, – отметил Белый.
- Эт верно, насыщенный... Сегодня же четверг, да?
- Ну.
- Фига, так быстро время пролетело, завтра уже в театр идём! – напонила нам Ленка.
- Точно, как-то из памяти выскочило даже...
- Садимся, короче, вместе все, расходиться не будем! – предложила Инга.
- Да, конечно, как ещё-то, – поддержал её Зиля.

Я мельком глянул на Ленку. Её волосы, спадавшие из-под шапки водопадом, скрывали левую часть лица, слегка завиваясь книзу, красивые глаза смотрели куда-то в начало улицы, откуда солнце, играя редкими бликами на Ленкином смазливом лице, расплёскивалось мягким закатным светом от горизонта по кучевым облачкам. «Да, непременно... вместе.»

Глава VIII.

«...В которой герои культурно

проводят время...»

Затянувшийся урок литературы подходил к концу. Практически все ребята уже собрали вещи за пять минут до звонка и были в полной готовности покинуть кабинет. Глядя на всех, Ашот тоже решил потихоньку складывать всё в портфель, пока Валентина Фёдоровна заканчивала рассказывать о параллелях между гоголевским рассказом «Портрет» и повестью Уайльда про Дориана Грея. Однако из-за эксцентричности своей натуры Ашот делал свои дела довольно шумно.

– Очень часто это произведение встречается... Пирузян!

– А?

– Я тебе не мешаю, нет? – строго спросила учительница, сдвинув мостиком чёрные дуги бровей.

– А, что? Нет, нет, – ещё не до конца сообразил он, что произошло, как ребята из класса захихикали.

– А, не мешаю? Ой, как хорошо, я-то думала, отвлекая, вдруг забудешь у меня что, – саркастично обрадовалась она, ребята в классе засмеялись громче.

– Ой... извините, я слушаю, слушаю... – он прекратил сборы, глуповато ухмыльнулся и ровно уселся за парту. Валентина Фёдоровна полушутя ему пригрозила, напускная строгость на её лице плавно сменилась понимающей улыбкой.

Да, в отношении к ученикам она была не такой суровой, как остальные учителя, но частенько требовала от нас по своим предметам, русскому и литературе, больше, чем другие. Если бы такую чрезмерную нагрузку нам давал, скажем, тот же самый географ, наш класс запротестовал бы или просто возненавидел этот предмет, но, так как Валентина Федоровна была человеком, хорошо понимающим простых школьников, и могла войти в положение каждого в трудный момент, она была уважаема всеми учениками не только нашего, но и других классов.

Вскоре, спустя минут семь после звонка, урок окончательно выдохся, и мы дружной гурьбой повалили вниз по лестнице, опережая других ребят, идущих на занятия. У раздевалки нас встретила Ирина Евгеньевна, разложила классный журнал с приказом на выход из школы и стала подзывать нас по одному расписываться.

– Слава богу, наконец закончилось... – выдохнул я, стаскивая сменку с крюка.

– Да, отдохнуть теперь идём... Неделя, конечно, трудная была, с этими самостоялками... У тебя, кстати, чего по биологии? – спросила Инга.

– А, не помню уже, то ли четыре, то ли четыре с минусом. Вообще это хорошо, потому что я там такой бредятины написал, думал, вообще завалит меня Татьяна Пална под конец четверти. У тебя как?

– Да у меня так же, вообще не учила ни черта, так, полистала книжку, и всё. Нахрена мне вообще учить про этих моллюсков, я им биологичка, что ли?

– Во-во, то же самое.

– Я, знаешь, вообще последнее время... Да что ж такое, а, – Инга всё никак не могла расстегнуть разошедшуюся молнию на рюкзаке.

– Дай помогу, – я отодвинул бегунок подальше, – ты всегда их в зажим собирай, внахлёт так... И всё срastётся, – после моих манипуляций я нормально застегнул Ингин рюкзак, молния ровно сошлась.

– О, спасибо! – улыбнулась она.

– Да чё там, у меня такое постоянно.

Ребята оделись и расселись по лавочкам, кто-то из-за нехватки мест стоял, прислонившись к железным зеленоватым решёткам. Ирина Евгеньевна вышла к нам поближе, началась переключка.

– Так, ребята, проверяем всех... Ананьева?

– Я!

– Антонова?

– Я!

– Бабенко?

– Я!

– Гамазина?

– Я!

Мы с пацанами и девчонками собрались кружком и дружно ждали нашего выхода. Зиля как обычно рассказывал какую-то фигню Ленке, Аймо с Белым спорили о рыбалке, мы с Ингой, не имея столь большого опыта в этом деле, были просто слушателями.

– Я те говорю, пять часов просидел – и ничего! Только зад отморозил, вот туда и не хожу больше. Хрень, короче, эта зимняя рыбалка.

– Ну скажешь тоже, надо ж места знать, кто там водится, всё такое. Я, например, с отцом на амура, помню, ходил, тоже зимой, давно ещё, мы его на морышек ловили...

– И как?

– Да вот такой здоровый! – Аймо развёл руками, – потом зажарили ещё... herkkuja⁶, да и только...

– Эх, повезло вам...

– Да уж, я бы сейчас от рыбки не отказалась, – поразмыслила Инга, – с утра во рту маковой росинки не было...

– Ничего, сейчас как придём, в буфете перекусим. Мы ж на Энгельса едем, Янки Купалы? – поинтересовался я.

– Ну да, вроде, – припомнил Белый.

– Ну вот, я там с мамой был когда-то, кормят они не хуже, чем спектакли ставят!

Наконец переключка закончилась, мы начали выстраиваться парами. Я уже было стал выискивать взглядом Ленку, но все очень быстро перемешались в толпе. Парни оказались позади нас, я встал с Ингой, Зиля и Ленка были впереди. «Тьфу, тормоз», – разозлился я на себя.

Рядом с Ириной Евгеньевной встал крупный мужчина в пилотской куртке, её муж – дядя Егор. Он открыл нам дверь, проходя мимо него, каждый говорил «спасибо», он услужливо кивал стриженной головой.

Мы вышли на улицу, выстроились в одну большую колонну. Ирина Евгеньевна вышла вперёд, подняла вверх красную папку с классными списками.

– Так, ребята, деньги на проезд у всех есть? – спросила она.

– Да, да.

– Есть, на месте, – заголосили все.

⁶ Вкуснотища (фин.)

– Всё, хорошо, идёте тогда.

Наш отряд двинулся за учительницей. Стройной колонной мы вышли с территории школы, плавно развернулись налево и пошли в сторону автобусной остановки.

Казалось, погода всю эту неделю не ухудшалась. Спокойное состояние природы, сопровождающееся приятной синевой откуда-то сверху и покусывавшим щёки и нос воздухом, держалось уже довольно долго, чтобы мы все могли к нему привыкнуть.

– Ах, хорошо сегодня! – Инга вдохнула полной грудью.

– Да, тепло как-то, – согласился я.

– Даже не тепло, а морозит мягко, хорошо сейчас гулять...

– Да, верно, – кивнул я.

– Угу, – разговор о погоде как-то не клеился, и Инга решила сменить тему, – слушай, я ж тогда, в раздевалке, не договорила!

– А, точно, помню, ну так что?

– Короче, в последнее время зачиталась детективом одним, Борис Акунин, слышал про такого?

– Акунин? Да, у мамы книжка есть его, там что-то про монаха...

– «Пелагия и чёрный монах»? Ну да, про эту знаю, но у него серия есть одна, «Новый детектив», я так зачиталась! Там, в общем, девятнадцатый век, то ли в шестидесятом, то ли в семидесятом году события... – Инга стала рассказывать что-то про полюбившийся ей детективный роман, а мои раздумья ушли куда-то в сторону от её речей.

Зияя с Ленкой впереди тоже болтали о чём-то. Полы её тёмно-зелёной зимней куртки, как всегда бунтарски расстёгнутой, поддувались ветром, волосы каштаново-рыжеватыми ручейками спускались от бордового шарфа вниз к мохнатому капюшону, стройные прямые ноги, наполовину скрытые под коротким платьицем, красиво вышагивали вдоль заснеженных тротуаров. Казалось, мой взгляд проходил гораздо глубже всего вороха той одежды, что ей пришлось надеть в суровую зимнюю погоду, потому как мозг уже сам проводил под ней нужные черты, чтобы в голове возник настоящий образ прекрасной женской фигуры, которой Ленка обладала, но отчего-то себя стеснялась и постоянно куталась в свитера и джемперы. Сегодня она наконец-то надела платье, совсем простенькое, но всё же подчёркивавшее её стройность и объёмистость груди, отчего я тайком засматривался на неё целый день в школе.

– А главный герой, когда в Турецкой войне поучаствовал... Эй, балда, ты слушаешь вообще?

– Чего? А, да, да, конечно... Сыщики, старина, все дела, я понял, интересная штука... Как, говоришь, называется? – очнулся я.

– Ты же знаешь, сам говорил! – Инга догадалась, что часть её рассказа я пропустил мимо ушей.

– А, ну да, ну да, точно...

– Ну ты даёшь, конечно! Вот, в общем, он с войны возвращается, там уже другая книга идёт...

Мы наконец дошли до остановки. Вдалеке уже замаячил знакомый красный автобус, ребята полезли за своими кошельками. Оплатив проезд у водителя, все расселись по свободным местам, те, кому не хватило сидений, уцепились за поручни.

До метро мы доехали быстро, и уже через полчаса были на Купаловской, откуда до театра можно было идти пешком. Сойдя с эскалатора и выйдя из метро, мы вновь выстроились парами. Ленка была теперь в большей доступности, но так нагло Ингу я бросить не мог.

Ирина Евгеньевна подошла к нам сзади, они с дядей Егором пересчитали всех учеников и вышли вперёд колонны.

– Ребята, все за нами! – она снова махнула красной папкой, класс зашагал вперёд по пешеходному переходу.

Дядя Егор распахнул перед нами тяжёлую дубовую дверь, мы вошли в главный зал театра. Немного подождав взрослых, мы пошли и сдали всю одежду в гардеробную, получив в обмен на неё блестящие номерки.

– Да, лепота здесь! – восхитился Белый, разглядывая хрустальные люстры, блестящими медузами свисавшие с высокого потолка.

– Ну, кто куда, а я в буфет! – бросил Зиля, выцепив взглядом барную стойку.

– О, я с тобой! – оживилась Инга.

Я зашагал за ребятами. Державшись чуть поодаль, я всё любовался Ленкиным телом. Было интересно то, что при взгляде на неё в голову не закрадывались всякие пошлые мысли, как это обычно бывает в будничной жизни. Не знаю, повлияла ли на это тогда атмосфера театра, или же мой голодный желудок, не пресыщенный вкусной едой и оттого не вводящий мозг в расслабленное состояние, не давал мне возможности думать о непристойном. Ленкой хотелось просто восхищаться, как образом греческой богини, проводить взглядом по всем плавным изгибам её тела и испытывать при этом самые возвышенные чувства.

– Эй, ты хоть в очередь-то встань! Насмотришься ещё, – окликнула меня Инга.

– Да я тут. Ничего я не смотрел, о чём ты вообще...

– Ты гляди, Зиль, уведут у тебя девку-то, – поддержал Аймо Ингу в стёбе надо мной; я почувствовал, как лицо налилось краской.

– Да ну вас, я вдаль смотрел просто, вон место какое красивое! Подумаешь...

– Ничё она не моя, чё ты мелишь, достал уже... – выпалил почти одновременно со мной Зиля. Аймо с Белым и Ингой засмеялись.

В буфете мы с парнями взяли по одному бутеру с колбасой, пирожки и самые дешёвые бутылки с водой, так как на обычную воду, а уж тем более на какую-нибудь «Пепси» цены были просто лошадиные. Инга, как и хотела, раскошелилась на бутерброд с рыбой.

– Да, дороговато...

– Ага, в тот раз с мамой ходили, малость подешевле всё было. Много тут всего, это да, но за цены их, конечно, поругать.

– Зато бутеры вон какие здоровые, наесться сможем! – Инга со смаком откусила от лосося, – так, садимся вместе все, как условились, ок? – сказала она с наполовину набитым ртом.

– Да, ессестно.

– Угу.

– Как иначе-то.

Вплоть до второго звонка мы проболтали за столиками, ближе к третьему повыбрасывали пластиковые вилки и направились в зал. Входов было несколько, но в каждом толпилась просто куча людей, стремившихся попасть на концерт.

Мы с ребятами шли гуськом, остальная часть класса была где-то рядом. Путь нам всем расчищали дядя Егор с Ириной Евгеньевной.

– Давай, проходи, как будто один идёшь! – крикнул он тучному мужику, заслонявшему весь проход.

– Всё, всё, прохожу, – он уступил дорогу дяде Егору, но ретировался в мою сторону, поэтому наша с ребятами связь была разорвана.

– Да ё-маё... Серый! – буркнул я сквозь шум толпы.

За мной шли Инга, Белый и Мишаня, я старался шагать чуть помедленнее, чтобы не разминуться. Мы наконец вошли в зал, но толпа так никуда и не делась, дядя Егор продолжал пробираться вперёд и вёл за собой наш класс на соседний ряд. Взглядом я выцепил белобрысые патлы Аймо, двинулся вперёд и крикнул ребятам сзади:

– Эй, давайте сюда...

Однако за мной вместо них пробиралась какая-то пожилая пара.

– Йоу, мы тут! – махнула мне с соседнего ряда Инга. За ней шли все остальные, включая Серёгу.

– Ну нас и растащили, блин, – проворчал Белый.

– Мы там сидим, давайте двигайте, пока места сверху свободные! – указал я пальцем на синие пустующие кресла.

Аймо примостился на последнем свободном кресле ближе к краю, рядом села Ленка, а соседнее место было... свободно! «Господи, неужели...»

– Привет!

– О, здорово! – улыбнулась она мне.

– Нас так по залу раскидали всех...

– Да не, ребята же вон, позади, нормально!

Практически все наши одноклассники расселись по своим места. Дядя Егор, довольный собой и тем, что он расчистил нам путь от моря толпящихся посетителей, наконец уселся на кресло рядом с Ириной Евгеньевной. Почесав спину о бархатное сиденье, он потянулся, разложил длинные руки на лакированные подлокотники и растянул ноги.

Он громко и с облегчением вздохнул, Ирина Евгеньевна, видя дядю Егора в такой разнужданной для театра позе, осекла его:

– Ну, Егор Семёныч, ну что ты как паук развалился, в самом деле?

– Ир, ну чего... Никому ж не мешаю, сейчас спектакль начнётся – тем более мешать не буду! – ответил он, Ирина Евгеньевна закатила глаза.

– Ладно, ладно, только не храни...

Свет постепенно стал гаснуть, зрители в ожидании спектакля зааплодировали. Я поудобнее углубился в кресло, положил руку на подлокотник, хотел то же самое проверить и с левой, но Ленка меня опередила.

– Ой, блин, прости...

– Да ничего, всё норм, – сказала она, смутившись. Казалось, приятное тепло от её руки, слегка обжигающее, разошлось по всему телу, вызвав мурашки со стороны левой лопатки.

Закадровый голос проговорил вступление по заранее заготовленному скрипту, тяжёлые синие шторы на сцене стали плавно раздвигаться.

На сцену вышли девушки в белых платьях, по бокам от них вспыхнули яркие огоньки бутафорского пламени, посередине стоял небольшой фрегатик с алыми парусами. Заиграла драматичная музыка, все четверо стали с выражением читать эпиграф:

Для чего на свете рифы?
Кораблям морским угроза.
Для чего на свете рифмы?
Чтоб о них разбилась проза.
Чтоб о них разбились тучи
В сотню маленьких клочков!
Впрочем, тучи всё же лучше
Серых скучных облачков...

Ветер и волны, волны и ветер,
Рифов коварных верть.
За остальное мы не в ответе,
Лишь за любовь и смерть...

* * *

В те моменты, когда свет на сцене внезапно потухал и на какое-то время в зале наступала темнота, мне до невозможности хотелось просто прижаться к Ленке поближе. Казалось, никогда ещё в жизни я не ощущал к человеку подобного влечения. Конечно, раньше, ещё в начальных классах, меня внешне привлекали многие девочки, мы много вместе гуляли, подолгу проводили время в общей тусовке – всё, как и у всех, ничего окрыляющего и необычного. Однако именно сейчас мне доводилось испытывать какое-то возвышенное, но в то же время пьянящее чувство, накрывавшее меня практически с головой...

Иногда, когда на сцене был какой-то затянувшийся диалог или песнопение, краем глаза я выхватывал в полутьме Ленкино лицо. Холодный свет прожекторов освещал его, играя бликами на волосах, придавая плавности и без того красивым чертам. В такие моменты я, почти что задерживая дыхание, боясь спугнуть всю красоту, находящуюся рядом со мной, любовался прекрасным. Самое главное было не засмотреться особенно долго, иначе я рисковал встретиться с подружкой взглядами, а если бы это тогда случилось, я, наверное, испытал бы ужасный стыд и красноты моего лица не смогли бы подавить ни одни светодиоды.

Наверное, это и есть та любовь, о которой так много говорят, которая так ярко и поэтично описывается в произведениях лучших мировых писателей? Может быть...

Вскоре первый акт подошёл к концу. Свет вновь включился, озарив большой концертный зал; люди постепенно зашевелились и стали подниматься со своих мест. Мы с Ленкой и Аймом подождали, пока наш ряд освободится, после чего встали и направились к выходу.

Наша группа ребят собралась у портретной галереи рядом с лестницей.

– Ну чё, как вам спектакля? – спросил Юрка, опершись о гладкие перила.

– Ничего, ничего, как в книжке почти.

– Да, только затянули чё-то...

Ленка отлучилась по делам, а я отошёл от наших немного побродить в стороне. В три стройных ряда на стене висели портреты и фотографии известных актёров, смотрели задумчивыми, добрыми и улыбающимися взглядами на посетителей театра. «Андрей Ковальчук, Юлианна Михневич, ну и имя... Светлана Зеленова... похожа чем-то на тётю Маю, Ингину маму... Вадим Дюков... из латышей, похоже...»

– О, смотри, это ж Мишка Чубень вылитый! – показала на портрет откуда-то появившаяся рядом Инга.

– Сергей Чуб... Да, правда похожи!

– Ага... Столько людей тут играют, ничего себе...

– Ну, театр-то известный...

Ленка снова вернулась, её подцепил Зиля, стал рассказывать ей и нам какие-то бородастые приколы.

– А, вот ещё, вспомнил, как там... цыгане украли Мерседес «С» класса. А это, между прочим, двести пятьдесят лошадей!

– Пха-хах, – прыснул Белый, мы просто заулыбались.

– И этот: Штирлиц порол чушь. Чушь тихо повизгивала...

– А, ну эти и я знаю: Штирлиц упал навзничь, взничь подвинулась...

– И ещё было: в бункере у Гитлера идёт совещание, обсуждают военные действия. Вдруг заходит Штирлиц, ставит тарелку с апельсинами, спокойно открывает сейф, забирает оттуда бумаги с планом... «Барбаросса», или типа того. Гитлер в бешенстве, кричит: «Кто это?! Что он себе позволяет?!» Ему Мюллер отвечает: «Это – русский разведчик Максим Исаев.» Гитлер: «Как?! Задержите его немедленно!» Мюллер снова: «Бесполезно, всё равно скажет, что апельсины нам приносил».

– Пфф...

– Да уж, хе-хех...

У Ленки, похоже, как и у меня, уже стали вяНУть уши от нескончаемых приколов Зили, мы как-то неожиданно отпочковались от анекдотного сообщества, вскоре к нам присоединилась и Инга.

– Задолбал уже, стендапер...

– Да вообще, хоть в тишине побыть, а то гогочут всё, – согласилась со мной Ленка.

– Это верно... Хорошо, что наконец выбрались все вместе куда-то, а то всё школа эта, контролши бесконечные... – проговорила Инга.

– Вот да, именно. Я в этом плане за разнообразие.

– Тем более культурное! – подметил я.

– Нам бы так всем вместе почаще собираться, в кино, что ли, или в тот же театр... – подала идею Инга, мы с ней согласились.

– Блин... – Ленка прищурила глаза и опустила голову.

– Чего ты? – спросил я.

– Да всего одну пироженку схавала, уже объелась... Тут порции такие огромные, конечно...

– Ну не знаю, по мне так всё в меру. Помню вообще, как целый день не ел ни черта, вот это было, конечно...

– Да и я вот так же делала, специально, правда.

– Худеть что ли хотела? Куда тебе ещё больше-то, – удивился я.

– Ну, типа того... да я и в принципе не ем много, наверное, с того момента привыкла.

– Ничего себе привычка. Не, я так не могу, мы с мамой по выходным часто всякое сытное готовим, пирожки там, дранники...

– О, а с мясом делали? – оживилась она.

– Ессестно, наши любимые!

– Блин, вот... опять есть хочу, – с улыбкой закатила она глаза.

– Вот видишь, как оно. Не, мама шикарно их готовит, угощу тебя как-нибудь обязательно.

А главное, всё просто так, и быстро...

Мы с Ленкой разговорились о готовке, Инга бродила с нами, любуясь висевшими на стене сценками из разных постановок. Ко второму звонку наша беседа как-то перетекла в другое русло.

Я ещё немного рассказал Ленке о книжке, как вдруг третий звонок, вызывающий к продолжению спектакля, меня прервал.

– Ё-маё...

– Блин... ладно, доскажешь потом, мне интересно! Рыбаков, говоришь?

– Да, да, Анатолий Рыбаков!

– Ага, спасибо, спрошу, может, у мамы есть!..

Мы снова вернулись на свои места, двери зала окончательно запустили всех зрителей, и яркий свет хрустальных люстр угас.

На сцене появилась Ассоль. Девушка плавно подошла поближе к краю сцены.

– Здравствуй, Бог. Ты, наверное, меня не знаешь, но это я говорю тебя каждое утро «здравствуй», а вечером «прощай». Но ты, наверное, об этом не знаешь. Ты занят миллионами других людей, дела которых поважнее моих...

Ребята сзади шушукались, их осекла какая-то дама. Я снова развернулся вперёд. Дядя Егор, прогулявшись во время антракта до буфета и хорошо там перекусив, видно, совсем ослабился в обстановке полумрака, отчего провалился в сон и посапывал. Когда сопение начало приглушать голоса со сцены, Ирина Евгеньевна толкала его.

– Егор, тише ты!

– Хмхмр, угу...

Глядя на эту картину, многие ребята из нашего класса тихо посмеивались, иногда бабульки, сидящие рядом, делали им замечания. На сцене тем временем Грэй наконец прибыл в город к Ассоль и зашёл в ту самую таверну, где ему вешал лапши на уши пьянчуга Меннерс:

– Ещё могу сообщить вам, что её отец – суший мерзавец. Он утопил моего папашу, как кошку какую-нибудь, прости господи, он...

Неожиданно раздался громкий пьяный рёв угольщика, такой громкий, что даже меня потрянуло на месте (видно, актёр сильно переиграл), я почувствовал, как Ленкина ладонь попыталась со страха инстинктивно схватиться за подлокотник, но, будто бы обжегшись о меня, она отпрянула.

– Ой, прости, прости...

– Да что ты, что ты, всё хорошо... – сказал я успокаивающе, хотя сам почувствовал, как уши вспыхнули от стыда, мы друг от друга отстранились. На самом деле, Ленка тогда, скорее всего, ощущала то же самое, что и я, потому как незримо чувствовалось недолгое напряжение в её позе, в том, как она строго держит голову, смотря на сцену и стараясь делать вид, что ничего не произошло.

– Ты врёшь! – крикнул угольщик и плюхнулся за стол. – Ты врёшь так гнусно и ненатурально, что я протрезвел...

Мы сидели в тишине, даже от ребят практически не было шума, только кто-то копошился в своей сумке. Вдруг в груди что-то ёкнуло. Не знаю, как людям удаётся это понимать, не смотря назад, но внезапно я почувствовал на себе чей-то взгляд. Я слегка повернул голову вправо: все ребята сзади смотрели на сцену, никто не шевелился, кроме Инги, которая, опустив книзу глаза, заправляла за ремень съехавшую блузу. «Померещится же...», – подумал я и, смотря в потолок, чтобы не вызвать подозрений, плавно развернулся обратно.

На сцене резко погас свет. Так, видимо, режиссёры решили сделать переход, чтобы конец смотрелся гораздо эффектнее. Темнота и тишина держались достаточно долго, чтобы зрители смогли немного Попривыкнуть, но в душе у каждого поселилось чувство ожидания чего-то внезапного. Именно это и случилось...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.